

Е. В. Краснощеков

**ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕГО ДИАЛЕКТАХ**

Е. В. Краснощёков

**ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2021

УДК 811.411.21
ББК 81.2=611.31
К78

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор кафедры немецкого
и французского языков Таганрогского института
им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

А.М. Червоный;

канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистического образования
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

О.Г. Мельник

Краснощёков Е. В.

К78 **Выражение притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах : монография / Е. В. Краснощёков. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 96 с.**

ISBN 978-5-907411-82-1

В монографии рассматриваются средства выражения категории притяжательности в арабском языке и его диалектах. Проведенный анализ показал, что в первую очередь это притяжательные конструкции, а именно: идафные конструкции с именами существительными или прилагательными; в состав конструкций могут входить глаголы, местоимения, наречия и предлоги. В данной работе представлены различные модели притяжательных конструкций как одно из важных средств выражения притяжательности в арабском языке и его диалектах.

Притяжательные отношения в арабском языке могут выражаться частицами, выполняющими роль предлогов (*inda*), а также используются служебные слова (*siwa*, *gauga*). В арабском языке посессивность может выражаться и притяжательными суффиксами. Суффиксы родительного падежа как средство выражения грамматических отношений присоединяются не только к существительным, но и к глаголам, предлогам и частицам. Притяжательные суффиксы (и прономинальные суффиксы в целом) в семитских языках используются для синтетического выражения обладания, как чистые согласовательные морфемы. Подобная картина наблюдается и в арабских диалектах.

DOI 10.31483/a-10343
ISBN 978-5-907411-82-1

© Краснощёков Е. В., 2021
© ИД «Среда», оформление, 2021

Оглавление

Введение	4
Глава I. Категория притяжательности в арабском языке	9
1.1. Конструкции с идафой как средство выражения притяжательности в арабских языках.....	9
1.2. Типы притяжательных конструкций в арабском языке	16
1.3. Роль предлогов в выражении притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах	26
1.4. Выражение отношений посессивности в арабском языке с помощью местоимений.....	38
1.5. Выражения притяжательности в арабском языке с помощью суффиксов.....	43
Глава II. Использование имени-релятора при выражении притяжательности в арабском языке	51
2.1. Possessor – имя существительное + релятор + Possessum – имя существительное.....	52
2.2. Possessor-имя + релятор (имя прилагательное) + Possessum-имя....	59
2.3. Possessor-существительное + Relator (наречие) + Possessum-существительное.....	66
Наречия <i>sinda</i> и <i>lada</i>	66
Наречие <i>masa</i>	71
2.4. Выражение притяжательности с помощью наречия и предикации. Глаголы обладания в арабском языке.....	77
Заключение	84
Библиографический список	89
Приложение	94

Введение

Арабский язык является официальным языком восемнадцати суверенных государств, простирающихся от Мавритании на западе до Ирака на востоке. На нем также говорят в некоторых частях южной Турции, христианская община маронитов на севере Кипра и на юге, в некоторых частях Африки к югу от Сахары. Далее на восток арабоязычные анклавы все еще встречаются в регионе Балх Афганистана, в некоторых частях Ирана, включая Хорасан на востоке и Хузистан на юге, и Узбекистане. Политические и экономические условия во многих арабских государствах, а также потребность в рабочей силе мигрантов в разное время в западных странах привели к постоянным эмиграциям за последние десятилетия, так что в настоящее время в некоторых частях Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, Нидерландах, Франции насчитывается 34 крупных общины арабоязычных мигрантов. По оценкам специалистов, число говорящих на этих языках составляет около 250 миллионов человек.

С точки зрения числа носителей и географического распространения арабский язык является одним из наиболее важных языков в мире. Эти причины в сочетании со степенью изменений, засвидетельствованные в арабских диалектах, делают арабский язык самым важным семитским языком на сегодняшний день. Как считают лингвисты семитские, арабские диалекты представляют собой живой языковой музей, и почти каждый тип диахронического развития, засвидетельствованный в семитских языках, встречается в одном или нескольких диалектах арабского языка. Исторически арабские диалекты развивались и расходились как частичный результат двух типов движения: постепенного и порой спонтанного социологического движения с точки зрения образа жизни, что привело к историческому переходу от племенного / полукочевого общества к оседлому обществу с этническим плюрализмом во многих районах, и мелким и крупномасштабным перемещениям населения как внутри полуострова, так и за его пределами. Люди из разных племен и субплемен были и продолжают быть объединены религиозными паломничествами, торговыми караванами, необходимостью в новых пастбищах, еженедельных рынках, союзах и, до сегодняшнего дня, миграционной работой. Это движение так же, как

мы можем видеть из опубликованных списков неарабских заимствованных слов (например, Prokosch 1983), привело носителей арабского языка к языковому контакту со многими другими языками. Таким образом, за редкими исключениями, если таковые вообще имеются, арабские диалекты никогда не находились в состоянии полной изоляции и сформировались в результате взаимодействия на протяжении тысячелетий из разновидностей арабского языка с адстратными и субстратными языками. Сравнение диалектного материала в географически разделенных районах показывает изменения в языке, вызванные как перемещением населения, так и локальными причинами, обусловленные взаимодействием с оригинальными местными языками. Примерами первых являются Андалусия и Ассания, демонстрирующие влияние Южной Аравии, и общие базовые лексические единицы между диалектами Магриба и Сирийским или Йеменским диалектами. Примеры последнего, например, включают использование суффикса связки в диалектах, на которых говорят в Афганистане, Хорасане и некоторых частях Анатолии, особенность, не подтвержденная в классическом арабском языке, но характерная для других языков региона.

В предлагаемом исследовании анализируются средства выражения притяжательности, связанных с понятием обладания и различными способами его выражения в арабском языке, а также в ряде его диалектов. Здесь предоставляются различные модели и их семантическое значение (с точки зрения компаративистики), принимаемая за основу данные лингвистические структуры, относящиеся к классическому арабскому языку, иракскому и магрибскому диалектам, а также другим диалектам Персидского залива.

Следует отметить, что исследование ни в коем случае не раскрывает полностью все разнообразные аспекты владения, будь то концептуальные или лингвистические по своей природе, мы лишь пытаемся определить наиболее часто используемые средства выражения категории притяжательности в арабском языке и некоторых его диалектах.

В лингвистике понятие владения не совсем ясно. В большинстве языков мира категория притяжательности (принадлежности) существует в двух формах: отторжимой (неорганической) и неотторжимой (органической) принадлежности. Лингвистическое владение представляет собой отношения между «собственником» и «обладателем». С точки зрения синтаксиса обладание – это отношение

между двумя именами, без посредничества глагола. Однако в иллюстративных целях стратегия, представляющая их реализацию, будет представлена в форме «NVN» (имя – глагол – имя). Это должно показать его место в классификации, охватывающей область притяжательных конструкций в арабских диалектах. То, что следует далее, демонстрируют различные структуры, служащие выражению обладания в этом кросс-лингвистическом исследовании. Эти структуры были изолированы от полевых исследований или взяты из огромного количества (материала) классической и современной литературы в области арабского языка (ср. Кантарينو, 1974-1975; Коэн, 1968; Коррьенте, 1977; Фергюсон и др., 1961; Харрелл, 1962; Джонстон, 1967; Митчелл, 1962; Монтейл, 1960; Пьямента, 1966 и др.).

Отдельными средствами выражения двух видов категории притяжательности занимались в разные годы такие лингвисты, как: Лион 1967, 1977; Миллер и Джонсон-Лэрд 1976; Кларк 1978; Зайлер 1983; Квирк и др. 1985; Баркер 1995; Гейне 1997; Розенбах 2002; Штольц и др. 2008; Стассен 2009; Диксон 2010; Айхенвальд и Диксон 2013.

Категория притяжательности в арабском языке и его диалектах рассматривается в работах Альберта Вальдмана (Waldman, Albert 1989, *Genitivverbindung oder Präpositionalgruppe – Eine strukturelle-semantische Untersuchung an der arabischen Nominalgruppe*. In: Blohm, Dieter (Hrsg.): *Studien zur arabischen Linguistik. Linguistische studien: Reihe A, Arbeitsberichte*; 189. Berlin S. 29–39) и Каплан Тамар (Kaplan, Tamar: *Arabic genitives: A problematic structure for the Binding theory*. In: *Perspectives on Arabic linguistics V: Papers from the fifth annual Symposium on Arabic linguistics*, Eid, Mushira & Holes, Clive (ed.), Amsterdam: 195–208), о родительном падеже и его сочетаниях в арабском (1986), работа Шбаул А.М.Н. (Shboul, A.M.N. 1983 «Having» in Arabic. In: *Zeitschrift für arabische Linguistik*, 11, 24–27), о выражении обладания глаголами, работа Дима В. (Diem Werner, 1986): *Alienable und inalienable Possession im Semitischen*. In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1986: 136, 227–291).

Языки мира демонстрируют большие различия в отношении морфосинтаксических механизмов, используемых для обозначения владения. Только в именной области он может быть отмечен приставкой (т. е. предлогом или послелогом), маркером родительного

падежа на владельце, выделенным притяжательным маркером, сопоставлением существительных с помощью, так называемого при-мыкания или с помощью местоименного притяжательного аффикса. Дальнейшее разнообразие возникает в выражениях владения в пределах клаузуальной области.

В отличие от европейских языков подобных немецкому или английскому выражение посессивности в арабском языке происходит несколькими способами. Прежде всего – это приименные способы и в первую очередь притяжательные конструкции, а именно конструкции с идафой (*'idāfah*) и конструкции с предлогами (*li-*, *min*).

Конструкция с идафой может выражать обладание, принадлежность, совместное пребывание.

Вообще говоря, притяжательная конструкция обычно включает в себя обладателя, посессума и элемент, который сигнализирует о существовании притяжательного отношения, как показано в исследованиях многих лингвистов (см. Druet 2005; Николс и Бикель 2005; Штольц и др. 2008; Стассен 2009; Баркер 2011; Берьярс и др. 2013).

Целью данной работы является анализ выражения притяжательных отношений в арабских языках различными средствами, а именно: с помощью именных конструкций, называемых идафными конструкциями или просто идафой, глаголами, местоимениями, наречиями.

Для выражения притяжательных отношений в арабском языке, наряду с именными конструкциями, используются конструкции с предлогами. Конструкция с предлогом *li* тоже выражает отношения обладания и отношения совместной принадлежности, а также обладание правом на что-то, принадлежности кому-то или чему-то.

В состав конструкций с предлогом *li* могут входить глаголы со значением существования или обладания.

Предлоги и предложные конструкции – важные средства выражения притяжательности в арабском языке. В функции предлогов для выражения притяжательных отношений, кроме самих предлогов могут употребляться «несобственно предлоги», которые в качестве самостоятельных имен обычно не используются. Притяжательные отношения в арабском языке могут выражаться частицами, выполняющими роль предлогов (*inda*), а также используются служебные слова (*siwa*, *gayra*). Подобная картина наблюдается и в арабских диалектах. Кроме того, посессивность может быть выражена наречиями.

Материалом предлагаемого исследования послужили данные арабского языка, распространенного в более, чем 20 странах (Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Йемен, Тунис, Алжир, Западная Сахара, Марокко, Мавритания и т. д.). Были использованы материалы отечественных и зарубежных лингвистов: Шмелев А.Д. (1989), Ландер Ю. (2000) Reckendorf (1895), Reckendorf (1921), Waldmann (1986), Blom-Reuschel-Samarraie (1981), Diem W. (1986), Brockelmann C. (1985), Seiler, H. (1983), Гранде Б.М. (2001); Fischer, Wolfdietrich (1972), Basset A. (1952.), Brockelmann C. (1982, 1989), Fischer W. (2003), Kampfmeier G. (1905), Shboul A.M.H. (1983), Waldman A. (1989), Гранде Б.М. (2001); Акопян А.Е. (2010), Завадовский Ю.Н. (1961, 1969, 1979, 1981), Кямилев С.Х. (1968).

В арабском языке посессивность тесно связана с категорией реляционных имен (имен-реляторов). Реляционными именами называются такие существительные, в семантике которых заложено значение участника определенных отношений, например в русском языке: *брат, начальник, голова* и т.д. Под реляционными именами («РИ») в первую очередь подразумеваются существительные со значениями частей тела, терминов родства, частей целого. Значение «часть тела» входит в значение неотчуждаемой (неотторжимой) принадлежности. Во многих океанийских языках в посессивных конструкциях употребляются так называемые «посессивные классификаторы», указывающие на тип отношения между референтами главного и зависимого имен (см. работу М.А. Журиной 1978).

А.Д. Шмелев (Шмелев, 1998) отмечает, что реляционные имена имеют облигаторную валентность на второго участника отношений, то есть на «компоненты ситуации, знание которых коммуникантами необходимо для корректного употребления и понимания данной языковой единицы» [Шмелев, 1998: 171]. Как правило, эта валентность заполняется в рамках посессивной конструкции.

Проблема выражения притяжательных отношений в арабском языке с помощью реляционных имен (имен-реляторов) не получила достаточного освещения в существующих трудах. В связи с этим мы и предлагаем работу, где представлен материал по использованию имен-реляторов для выражения притяжательности в арабском языке.

В предлагаемом исследовании использовались сравнительно-сопоставительный и контентивно-типологический методы исследования при синхронном подходе, а также интерпретация и обобщение.

Глава I. Категория притяжательности в арабском языке

1.1. Конструкции с идафой как средство выражения притяжательности в арабских языках

В отличие от других языков в арабском языке нет глаголов «бытия» и обладания, таких как: иметь, обладать (принадлежать, располагать чем-л., иметь в распоряжении) и др. подобных *haben* в немецком или *be* в английском, поэтому выражение притяжательности, происходит иными способами. Прежде всего – это приименные способы и в первую очередь конструкции с идафой (*'idāfah*) и конструкция с предлогом *li*.

В нашем исследовании как средство выражения притяжательности в арабском языке мы рассматриваем именные конструкции, и в частности, конструкцию с идафой (от арабского *idāfah* означающего «присоединять»), которая в арабских грамматиках называется идафой притяжательности.

Эта конструкция представляет собой именную группу, где первое существительное выражено исходным падежом, а второе существительное или личное местоимение – родительным падежом, то есть два существительных в словосочетании находятся в отношении примыкания друг к другу, или же следуя друг за другом, образуют «идафную» цепочку.

Грамматические отношения в данном случае уточняются с помощью значка *kasrah*, который обычно ставится в конструкции под буквой.

Существует 4 вида идафы, но для выражения отношений притяжательности в арабском языке используется, так называемая идафа принадлежности.

Конструкция с идафой может выражать обладание, принадлежность, совместное пребывание.

В качестве обладателя (посессора) или обладаемого (посессума) в конструкциях часто используются такие посессивные имена, как например: *milk* – «собственность», *mālek* – «владелец», *ṣaḥīb* – «владелец», *imtilāk* – и *ḥiyāzah* – «овладение» и т. д.

В некоторых случаях лексические значения посессивного (в предлагаемой работе слово «посессивность» используется в качестве синонима слова «притяжательность») имени совпадают с

грамматическими функциями: *al-baytu li-mālekeh* «(арт.) + дом для владелец-он – Этого дома владелец».

В этом примере *mālek* – «владелец», выступает в роли обладателя, в то время как в другом примере он выступает в роли обладаемого: *māleku l-bayt* «Этот дом владельца».

В арабском языке некоторые из посессивных имен могут использоваться не в посессивном значении. Например: *mālikun li-ğa'sih* «Владелец для-себя-самого + (р.п.). – Он владеет сам (единолично, только для себя)».

В арабском языке различают три вида посессивной конструкции (в грамматиках их называют статусами, что соответствует категории определенности-неопределенности в европейских языках), а именно *Status determinatus* (определенное состояние), *Status indeterminatus* (неопределенное состояние) и *Status constructus* (сопряженное состояние или примыкание). *Status determinatus* обозначает что-то определенное с помощью определенного артикля *al*, «который выступает как составная часть существительного и на письме от него не отделяется» [Fischer, 1972: 77]. Если определенный артикль выпадает, то существительное, «получая нулевой артикль, становится неопределенным» [там же: 76]. Конструкция с примыканием может быть реализована с помощью неопределенного существительного, «за которым непосредственно следует зависимое существительное в родительном падеже (РП) или же с личным суффиксом» [Fischer, 1972: 79]. Если стоящее в род. падеже существительное становится определенным, то изменяется и существительное в конструкции, хотя оно используется в сочетании с неопределенным род. падежом.

Основной член идафной (посессивной) конструкции используется без артикля и танвина (диакритический знак, часто служащий в качестве грамматического средства выражения неопределённого состояния имён), который обычно принимает существительное, если оно употребляется без артикля. Определяющее существительное всегда стоит в род. падеже и может быть как в определенном: *baytu rağulin* «Дом мужчина (род. п. танвин)» дом (какого-то неопределенного) мужчины, так и в неопределенном состоянии: *baytu r-rağulī* «Дом мужчина (артикль + род. п.) – Дом (определенного) мужчины».

Конструкция с идафой, когда за первым именем существительным в исходном падеже следует зависимое от него имя в качестве атрибутивного члена в род. падеже, считается в арабском языке основным типом атрибутивности. Ее грамматическую структуру определяет, прежде всего, непосредственная грамматическая зависимость основного слова от определяющего слова в род. падеже (*alġarr*). «Это находит формальное выражение в обязательной синтаксической очерёдности (основное слово + определяющее слово в род. падеже)» [Waldmann, 1989: 29], т. е. другого определения между обоими членами конструкции быть не может.

Родительный падеж (*alġarr*), в котором стоит определяющее слово, выступает в арабском языке в качестве определения к существительным и рассматривается только как падеж приименный.

В конструкции с идафой родительный падеж всегда выступает в постпозиции, что является обязательным во всех случаях. Даже в словосочетаниях, когда обладатель и обладаемое меняются местами, род. падеж стоит в постпозиции, так как первый член конструкции будет стоять в форме исходного падежа. Например:

kitābu l-mualim «Книга артикль (род. п.) + учитель – Книга учителя»;

ħad «iqu l-burtuqāl «Сады артикль (род. п.) + апельсины – Сады апельсинов».

Род. падеж в арабском языке выражает «принадлежность одного имени существительного другому или зависимость одного имени от другого». [Brockelmann, 1982 79: 163].

В конструкции с идафой могут выступать имена существительные всех типов:

– вещественные – *baytu r-raġul* «Дом мужчина + артикль (род. п.) – Дом мужчины»;

– собственные – *kitābu’ahmad* «Книга Ахмед. – Ахмеда книга»;

– абстрактные – *mahūdāt l-āmīlīn* «Старания артикль (род. п.) + работающий. – Старания работающего»;

– а также личные местоимения – *kitābuhu* «Книга-его – Его книга».

Кроме того, есть имена существительные, которые обязательно используются в идафа-конструкции. Например: *baath* – «некоторые», *ġuza’* – «часть», *muẓam* – «большинство», *’waħed* – «один»,

baqyah – «остаток», *bāqī* – «остаток», *ašarāt* – «десятый». Например: *baḍu l-fatayāt* «Несколько + (артиклъ) (род. п.) + девушки – Несколько девушек».

В идафа-синтагмах могут использоваться субстантивированные глаголы и отглагольные существительные, например:

ginā'u 'imra' ah «Пение женщина + (артиклъ род. п.) – Пение женщины»; *qātilur-raḡul* «Убийца мужчина + (артиклъ род. п.) – Убийца мужчины».

В качестве основного слова в сочетании может использоваться прилагательное в превосходной степени:

ala 'caala l-mustawayāt «На высший уровни + (артиклъ род. п.) – На высшем уровне»

или прилагательные в положительной степени

mukhtalaf, šatta, kamil: fi muḥtalafi l-maḡālāt «В различный артиклъ (род. п) + сферы – В различных сферах»;

такие слова как *ḡayr, šibh, niṣf: šibhu ḡazīrah* «Похожий остров полуостров – Остров похожий на полуостров».

niṣfu d-da' irah «Половина артиклъ (род. п.) + кружок – Половина кружка».

Определение в родительном падеже может иметь зависимые слова, иначе говоря, может быть распространено. При этом возможны два варианта:

определение в родительном падеже может стоять непосредственно за основным словом, а за ним ставятся другие «основные слова» [Waldmann, 1989: 19]: *duwalu l-minṭaqati wa-šūbihā* «Государства артиклъ (род. п.) + регион и – народы их – Государства региона и их народы». Суффигированием посессивного суффикса ко второму «основному» слову выражается отношение к определению в родительном падеже. Этот суффикс согласуется с ним в роде, числе и падеже. Таким образом, каждое «основное» слово, снабженное посессивным суффиксом, образует самостоятельное сочетание с родительным падежом, при этом в качестве посессора выступает местоимение, а не имя.

Вторая возможность проявляется в том, что «основные» слова следуют друг за другом, а за ними ставится определение в родительном падеже: *duwalu wa-šūibu l-minṭaqah* «Государства и

народы (артикль род. п.) + регион. – Государства и народы региона». Подобным образом используются все разряды существительных, выступая в роли «основного» слова, в идафа-конструкциях.

В арабском языке различаются *'idāfah haqiqyah* или *'idāfah taṣnawyah* (собственное или истинное присоединение) и *'idāfah lafzyah* (несобственное или формальное присоединение):

(1) *ṭawbu l-arūs* «Платье (артикль род. п.) + невеста. – Платье невесты»

(2) *'Isrā' tawīlatu š-šar* «Изра длинный (арт. род. п.) + волосы. – У Изра длинные волосы».

В первом случае (собственно присоединение) речь идет о соединении двух имен, или имени и местоимения. В первом примере выражается не только принадлежность, но и отношения обладания, части и целого и т. д. Первый член словосочетания – как правило, неопределенное по значению имя. В случае присоединения к нему имени в родительном падеже в значении определенности (т.е. имени с определенным артиклем, или имени собственного, являющегося определенным изначально), оно само становится определенным: *Dar Zaid* «дом Зейда», *'Wazer al-sultan* «вазир султана».

В случае присоединения к первому члену словосочетания имени в родительном падеже в неопределенном состоянии, первый член сочетания не превращается полностью в грамматически определенное имя: *Bait falah* «крестьянский дом» [Гранде, 2001: 328].

Во втором примере при несобственном присоединении выражается формальная синтаксическая принадлежность: соединение прилагательного *ṭawīl* – «длинный» и имени *šar* – «волосы». Этот вид конструкции отличается от первого наличием имени прилагательного в качестве 1-го члена, т. е. определения, согласованного с последующим именем. Формально этот вид «примыкания» не отличается от предыдущего, так как его первый член находится в *status constructus* «сопряженном состоянии» [там же: 328].

Оба типа сочетаний сопряженного состояния различаются грамматически: во-первых, характером связи между членами сочетания и, во-вторых, «различным грамматическим характером первых членов – субстантивном в одном случае и адъективном в другом» [Гранде, 2001: 330].

Рассмотрим теперь конструкции с идафой в арабских диалектах. В диалектах Магриба: «в связи с усиливающейся тенденцией диалектов к переходу от строя синтетического к строю аналитическому, проявившейся и в литературном языке «изафет классического типа» (см. Ковалев, Шарбатов, 1998: 91), т. е. «прямое сопряжение определения с определяемым при помощи артикля типа: *bāb ed-dār* «дверь дома», зачастую заменяется косвенным оборотом типа: *el-bāb mt' ed-dār* «дверь дома» [Завадовский, 1962: 108].

Подобная конструкция существует и в мавританском диалекте арабского языка. Здесь сохранилось «прямое сопряжение определения с определяемым», которое в других диалектах заменяется конструкцией со служебным словом (*mitāe ~ matāe* в андалусском, *ta* в мальтийском, *žən* в феззанском, *'ntāe ~ mtāe* в тунисском и алжирском, *'dyāl, di-, d-* в алжирском и марокканском).

В мавританском диалекте представлены оба классических случая сопряжения:

а) идафная конструкция из двух имен существительных без артикля: *gaṭāeāt bāl* «стада (каких-то неизвестных) верблюдов»; первый член конструкции определен; стада именно верблюдов, а не других животных, но второе слово – верблюды – не определено.

б) идафная конструкция из двух имен с артиклем перед вторым членом конструкции: когда оба члена определены, второй – с помощью артикля, а первый – своей позицией в идафе. Пример: *mul əθ-θō^wr* «хозяин быка»; *ēāsimat ad-dō^wla* «столица страны»; *fiō^w əl-gēyṭna* «сезон [созревания] фиников»; *ħōḏ le-bḥar* «около моря»; *šō^wr n-nxāl* «в сторону пальм» [Завадовский, 1981: 58]

В Тунисском диалекте арабского языка существительное, поставленное в условия связи принадлежности или зависимости от последующего слова, которое его определяет и дополняет как определительное дополнение, в тунисском диалекте считается находящимся в сопряженном состоянии. Последующее слово при этом должно сопровождаться артиклем или местоименным аффиксом, а само существительное принимает стяженную форму или перестраивается в отношении своего вокализма и ударения, а в случае, если оно оканчивается на *-a*, принимает окончание *-(V) t*:

Примеры: *xša'm* «нос», но *xa'šm ər-ra:' žət* «нос человека», *xa'tm-ək* твой нос, *ka:'iəb* «писарь», но *ka:'tb as-solta:'n* «писарь султана», *ka'tb-i* «мой писарь»; *sa'nžā* «знамя», но *sa'nžq əl-ba:'y* «знамя бая»;

dāt šyu: 'dāt əs-šā'hra «львы пустыни»; *muñga: 'la* «часы», но *muñga: It əmħa'mməd* «часы Мухаммеда» *bāgra* «корова», но *bā 'gārt əl-falla:h* «корова крестьянина»; *musli'mt (<mi'silma) tu:nes* «мусульманка Туниса»; *ga:'fiit (<ga:'fiə) ež-žri:d* «караван Джерида»; *mhi:'rimt əl-mi'silma* «платочек мусульманки» [Завадовский, 1979: 63].

В тунисском диалекте несогласованные определения вводятся при помощи артикля (1, 2), служебного слова *mta:ε* (3–5), предлога *min* (8):

(1) *sābbā:'t ar•ra: žəl* «ботинки (этого) человека»; (2) *nahž əl-qāšba* «улица (этой) крепости»; (3) *əš-šābbā:'t mtā:ε ar-ra: žəl* букв., «ботинки для (этого) мужчины» = «ботинки (этого) мужчины»; (4) *əl-muñga'la mta-ε fo'ōda* букв., «часы из серебра» = «серебряные часы»; (5) *əž-zrā-bi mtā:ε zarzi:'s* букв. «ковры из Зарзиса» = «Зарзисские ковры»; (8) *bəřrā:'ni min tu:'niç* букв. «иностранец по отношению к Тунису» = «чужой для Туниса».

Необходимо отметить, что сочетание с артиклем используется наиболее часто с постоянными словосочетаниями (2), в других случаях предпочтительнее оборот с *mtā:ε*.

Как и в классическом арабском (см. выше) здесь конструкция с идафой может иметь несколько звеньев: *fi:-řar-řa:-řot-mārt'-bən-ee-ša* «На женской помочи у жены Бен Айши – беднячки»... [Завадовский, 1979: 77].

В идафной конструкции сирийского языка определяемое слово стоит в форме *Status constructus* и определяется последующим именем существительным: *bar malkā* «сын царя» (*bar* – st. const. от слова *b²rā* «сын»). Вторым членом этой конструкции может быть имя собственное, как и в классическом арабском: *bar ia 'quḅ* «сын Якова»; *bet šem 'ōn* «дом Симеона»; *m²lek bābel* «царь Вавилона».

Синтаксическая связь в таком словосочетании – управление: «второй член именного словосочетания требует постановки главного слова в *status constructus*» [Цеттели, 1979: 126]. Такие конструкции можно сравнить и с сочетаниями в русского языка, пример: «ручка учителя». Разница здесь в том, что в русском языке морфологически изменяется второе слово, оно ставится в родительном падеже, в арабском же языке изменяется первое, оно ставится в сопряженном состоянии.

В йеменском диалекте, в арабском языке Палестины так же существуют и используются конструкции с идафой для выражения притяжательных отношений.

Выводы

Посессивные отношения, а именно: отношения принадлежности, притяжания, обладания, происхождения и т. д., могут быть выражены «идафной конструкцией», представляющей собой сочетание из двух или более имен. Конструкция с идафой, как притяжательная конструкция часто встречается в арабском языке; она достаточно широко используется и в его диалектах и является наиболее распространенным средством для выражения притяжательных отношений. Поскольку эта конструкция является именной, в ее состав могут входить различные типы имен существительных и личные местоимения. Такие конструкции использовались и в более ранних арамейских диалектах, однако в современных диалектах, как например, классическом сирийском языке сфера их употребления заметно сокращается и на первое место выходит конструкциям с притяжательной частицей.

А теперь рассмотрим подобные конструкции в некоторых арабских диалектах.

1.2. Типы притяжательных конструкций в арабском языке

1. Possessed + Possessor (Обладаемое + Обладатель).

Первая модель, представленная здесь, называется в литературе «Status constructus – примыкание» (ср., например, Beeston, 1970; Gaudefroy-Demombynes & Blachère, 1952; Райт, 1967). В этом словосочетании, проиллюстрированном ниже примерами, два существительных следуют друг за другом в отношениях, выражающих владение или объединение.

Примеры:

диалект Ирака

(1) *Siyarat ahmad* «машина Ахмеда»

диалект Магриба

bint qa:yed (неопр.) «дочь Каида / неопределенный (девушка / дочь – Каид)

bint el-qayed (опр. дочь Каида) /определенный (девушка / дочь – Каид).

2. Possessed Possessor (Обладатель + Обладаемое).

Эта конструкция не может служить связующим звеном к какому-нибудь слову. При наличии прилагательного, характеризующего обладающего, оно должно находиться после обладателя, например

(2) *siyyarat ahmad ijjiideeda* «машина Ахмеда новая».

ba:b ed-da:r el- mherres

«(опр.) сломанная дверь дома»

«дверь – дом – тот / который сломан».

Обладаемое + Обладатель прилагательное.

Когда два или более существительных следуют за первым существительным, только последнее существительное, которое является обладателем, отмечено категорией определенности (артиклем) (также см. Guella, 1983):

(3) *baab bet* «арт. Дверь (арт.) дома»

Обладаемое (неопределенный) Обладатель (неопределенный)

(4) *baab bet ilharis* «Дверь дома стражи»

Обладаемое существительное Обладатель (определенный)

(5) *bit ibn ilrayuis* «Внучка президента»

Обладаемое существительное Обладатель (определенный)

(6) *haris baab bet wazeer* «привратник министра».

Обладаемое имя Обладатель имя (не определено).

диалект Недрома (Guella, 1983):

например: *ba:b ed-da:r* (опр.) «Дверь – (опр.) дома»

«Дверь – (опр.) дом»

ba:b da:r el-qa:yed «дверь (опр.) дома Зайда»

«дверь – дом – (опр.) Зайд»

bint weld es-solta:n (опр.) короля внучка

(девочка / дочь – мальчик / сын – (опр.) король

lu:h ba:b da:r es-soltan (опр.) дверь из дерева опр. королевского

дома

(деревянный дом – дом – (опр.) король

lu:n lu:h ba:b da:r es-soltan

«цвет – дерево – дверь – дом – (опр.) король»

«(опр.) цвет (опр.) дерева двери (опр.) дома королевского».

В (3), (4) и (6) нет никакого понятия владения. Все четыре – это больше описание основных существительных. Как, например, в ан-

глийском языке. В примере (5) отношения между обладаемым и обладателем совершенно иные, причем первый является внучкой последнего. В (3) и (6) следует отметить, что, если владелец не определен или номинально имеет суффикс, то определенный артикль, обозначающий обладание, исчезает.

Например: *ba:b da:r* «(неопр.) дверь (неопр.) дома»

(дверь – дом)

'i:d mila:d bint solta:n «(неопр.) день рождения (неопр.) королевской дочери»

«празднование – рождение – девочка / дочь – король».

Обладатель + Обладаемое.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой арабской модели, стоит отметить, что, например, большинство английских притяжательных конструкций относятся к этой категории. Ниже приведены некоторые репрезентативные категории со значениями, относящимися к притяжательным конструкциям этого типа:

1) **обладание**, например:

My son's wife = My son has a wife. «Жена моего сына = У моего сына есть жена»;

2) **субъектно-глагольное отношение**, например:

His parents' consent = His parents' consented.

Его родителей согласие = Его родители согласны.

3) **отношение Дополнение – глагол**, например:

The boy's release = Someone released the boy.

«Освобождение мальчика = Кто-то освободил мальчика».

4) **происхождение** (источник), например:

The girl's story = The girl told the story.

«История девушки = Девушка рассказала историю».

5) **описание**, например:

a women's college = a college for women.

«Женский колледж = Колледж для женщин».

6) **измерение**, например:

ten days' absence = The absence lasted for ten days.

«Отсутствие в течение десяти дней = Отсутствие длилось десять дней».

7) **приложение**, например:

the city of York = York is a city. «город Йорк = Йорк – это город».

В классическом арабском языке и различных диалектах арабского языка Персидского залива (включая Ирак); многие существительные или частицы используются в сочетании с другими существительными для выражения обладания, географического / этнического происхождения, дружеского общения и т. д. Обычно это притяжательные выражения, начинающиеся со слов «*abu*» (владелец мужского пола; буквально означает «отец»); «*um*» (владелец женского пола; буквально означает «мать»); «*thu*» (из), «*ahl*» (люди или владельцы), «сахиб» (лицо или владелец) и т. д.

Эта структура является древней и встречается почти во всех диалектах Персидского залива. В ней можно выделить несколько моделей:

1. *abu, um*, и т. д. + Possessed (владелец / мужчина или женщина и т. д. + обладаемое)

диалект Ирака

(7) *abu ilmahal* «(опр.) владелец (опр.) магазина»

(10) *ahl ilbet* «(опр.) Владельцы (опр.) дома»

модель 1: «*abu*», «*um*» и т. д. + Обладанное

диалект Магриба

Например: *abu sha:m* (сирийского происхождения)

ahl es-sunna (последователи / последователи сунны)

Приведенные выше примеры показывают, что собственность концептуализируется в терминах семейных отношений, когда владельцем вещей (обладателем) является отец или мать, которыми они обладают. С когнитивно-семантической точки зрения, это часть нашего представления об окружающем мире. Люди часто концептуализируют менее знакомое абстрактное понятие, в данном случае собственность, в терминах более знакомого абстрактного понятия, семейных отношений (см. Albayati, 2012, с. 331).

Следует отметить, что конструкции «*abu* + обладаемое» и «*um* + обладаемое» также в значительной степени используются в качестве форм обращения, например:

(11) *abu hamza* «(опр.) отец Хамза»

(12) *um hamza* «(опр.) мать Хамза».

Эта конструкция также используется в сокращенных формах в иракском диалекте для передачи значения обладания какой-либо особенностью или характеристикой, а также в отчествах и именах предков в магрибском диалекте.

Например:

В иракском диалекте:

(13) *abu shuwarib* – «Мужчина с большими усами»

в магрибском диалекте:

bu sh'o:r или *bu saalef* – «тот, у кого длинные волосы»

«владелец – волос (пл.) владелец – волос»

bu ferra «тот, у которого не хватает зуба»

«владелец – дырка / разрыв (во рту)»

bugettaya, *buxerruuba*, *bu'naani* и др.

«в качестве отчества».

3. Possessor + abu, um, etc. + Possessed (владелец / мужчина или женщина и т.д. + обладаемое).

Эта модель похожа на предыдущую, и часто используется в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива для выражения конкретного владения или обладания какой-либо особенностью или качеством. Таким образом, следующий пример является больше примером указательного владения, чем чем-либо еще:

В иракском диалекте:

(14) *ilsayyara um babeen* «Автомобиль с двумя дверями»

в магрибском диалекте:

es-sayyara abu arba' 'ajalaat «автомобиль (имеющий) четыре колеса»

«автомобиль на четырех колесах»

er-rajel abu 'gaal «человек (имеющий) игаль»

«человек-с-игаль»

er-rajel abu ghotra «человек, носящий гутру»

«человек-с-гутра».

Holes (1984) указывает, что «*abu*» и «*um*» обычно используются с обладаемым женского и мужского рода соответственно. Он (цит. произв., с. 240) утверждает, что это «странный факт грамматики». Чтобы обосновать свое утверждение, он (лок. цит.) приводит следующие примеры:

(15) *musajjila* (обладатель / ж. род) *um* (показатель ж. р.)

mikrofon thabit (обладатель м. рода) «Диктофон с фиксированным микрофоном»

(16) Заид (Обладатель м. р.) *abu* (показатель м. р.)

uyoon zurig (Обладатель ж. р.) букв. «Заид, обладатель голубых глаз».

Необходимо отметить, что утверждение о лакунах (Holes 1984) не является точным, поскольку значительное количество других примеров из диалектов Персидского залива может продемонстрировать соответствие с точки зрения рода между «*abu*» и «*um*» и обладаемыми, как видно из следующего примера:

(17) *dulab* (Обладатель мужского рода) *abu* (показатель мужского рода) *sit abwab* (Обладатель мужского рода) «Шкаф с шестью дверцами».

Согласно Гуэлле [Guella, 2012: 3], лингвистическим фактом является то, что «*abu*» используется чаще, чем ситуационно ограниченное «*um*». В то время как «*abu*» может использоваться как с обладаемыми женского, так и мужского рода, «*um*», по-видимому, используется в ограниченных случаях и в большинстве случаев с обладаемыми женского рода.

Однако исследователь считает, что в основе использования этих двух маркеров владения лежит более простое правило; выбор «*abu*» или «*um*» соответствует полу владельца, первый используется с обладателем мужского пола, а второй – с женским, как в следующих примерах:

(18) *um alqura* «мать всех деревень, т. е. Мекка»

(19) *abu albashar* «отец человечества, то есть Адам».

С другой стороны, все предложения в этом подразделе иллюстрируют, что отсутствие обладания концептуализируется в терминах владения, например, квалификация и характеристика.

4. Possessor + *thu* or *that* + Possessed (Обладатель + «*thu*», или «*that*» + Обладемое).

Мужское «*thu*» и женское «*that*», которые являются классическими аналитическими маркерами, обозначающими обладание какими-либо особенностями, определениями или характеристиками, которые появляются в конструкциях «Обладатель (женский) + *that* + Обладемое» и «Обладатель (мужской) + *thu* + Обладемое» (в магрибском соответственно *dhaat* и *dhu* ср. Guella, 1983), как в следующем:

(20) *albintu thatu alsha'ri aljameeli* «Девушка с красивыми волосами»

(21) *alrajulu thu alsawti alhasani* «Мужчина с приятным голосом»
al-bint-u dhaat-u al-sha'ri al-jamiili,

«(опр.) девушка-с-волосами- (опр.)-красиво»,

al-rajul-u dhu al-wazni al-thaqili

«(опр.) человек-с-весом- (опр.) -тяжелый» (ср. Guella, 1983).

Модель «hag» and «taba'»

«**Hag**» часто используется в Саудовской Аравии, особенно в диалекте хиджази, как притяжательный маркер. Оно обозначает наличие какого-либо качества или характеристики, относящейся к человеку или вещи. Его можно найти в модели «Обладаемое + *hag* + Обладатель», что означает «принадлежащий», «относящийся к» или «характеризующий человека», например:

(22) *kitab hag hurma* «книга женщины / (неопр.)».

(23) *alkitab hag alhurma* «(опр.) книга (опр.) женщины».

Те же структурные закономерности применимы и к «**taba'**», которое часто встречается в сирийском и ливанском диалектах, например

(24) *haida alsai'iq taba'na* «Этот водитель наш»

(25) *ilsayyara taba' ilwazeer* «(опр.) автомобиль министерства».

Подобные построения часто встречается в Сирии и Ливане.

Например: *haad al-sajjiq taba'na* «этот водитель наш»

«Этот – водитель – принадлежит – нам»

As-sajjara tab' al-wizara «Это машина министерства» (автомобиль – принадлежит – министерству)

Shtriit dawaliib tab' as-sajjara «Я купил колеса для машины» (купил – я – колеса – принадлежу – машине).

Пример (24) ни в коем случае не следует понимать как выражение владения. Скорее, он используется для конкретизации чьей-то работы на кого-то другого или на организацию.

Возможно, необходимо указать, что и «*hag*», и «*taba'*» соответствуют конструкции с «*of*» и апострофу «*s*» на английском языке.

5. **Possessed + mal + Possessor** (Обладаемое + *mal* + Обладатель).

В Бахрейне, Ираке, Объединенных Арабских Эмиратах и Кувейте часто используется частица «*mal*». Этот притяжательный маркер входит в те же структурные схемы и структуры, что и египетская «*bita*», саудовская «*hag*», сирийская и ливанская «*taba'*» (ср. Holes, 1984, стр. 127, 128, 186), но не известен в диалектах Магриба.

Например:

(26) *iltabkhat thi killaha mal ilkhaleej*

«Все эти блюда с побережья Персидского залива»

(27) *hal'akil moo malkum* «Этот заказ на еду не ваш»

(28) *iljaw mal ilkhaleej* «(опр.) Климат (опр.) залива, т. е. Климат Персидского залива».

Помимо его немаркированного использования в качестве притяжательного маркера, «*mal*» часто появляется в непосессивном контексте, обычно в описании, как в трех приведенных выше примерах.

6. Possessor-Possessed Relationship Expressed via Adjective and Preposition (Отношения Обладатель – обладаемое, выраженные с помощью прилагательного и предлога).

Эта конструкция представлена родительным падежом с предлогом у имени «обладаемое». Она напоминает французские конструкции «*Les yeux de Sylvie sont jolis*» – «У Сильвии красивые глаза» и «*Les yeux de Sylvie sont jolis*» «Глаза Сильвии красивые» (см. Frei, 1939). Подобный тип конструкции присутствует почти во всех арабских диалектах, включая классический арабский. В приведенных ниже примерах, если мы примем прямые конструкции в (29 а) и (30 а) в качестве базовых форм, то конструкции обратного типа в (29 б, с) и (30 б, с) будут получены путем преобразования. Следует, пожалуй, отметить, что в английском языке то же самое понятие может быть выражено через конструкцию с «*of*» и / или с апострофом «*s*»:

(29)

- а. *ilwald rasu majrooh* «У (опр.) мальчика ранена голова»
- б. *ilwald majrooh min rasu* «(опр.) Мальчик ранен в голову»
- с. *ras ilwald majrooh* «(опр.) Голова мальчика ранена»

(30)

- а. *ilhurma eynha amya* «букв. У (опр.) женщины слепой глаз»
- б. *ilhurma amya min eynha* «букв. (опр.) Женщина слепа на (один)

глаз»

- с. *eyn ilhurma amya* «букв. (опр.) Глаз этой женщины слеп»

Предварительная формулировка преобразованных высказываний, описанных выше в (29) и (30), дает следующие нормы для *a*, *b* и *c* соответственно:

I. Обладатель+ Обладемое + Прилагательное.

II. Обладатель + Прилагательное + Предлог + Обладемое.

III. Обладемое + Обладатель + Прилагательное.

Во всех диалектах Персидского залива во второй модели (II) обычно используются предлоги «*min*» или «*ib*». Обратный тип получается только в том случае, если обладатель и обладаемое принадлежат к одной и той же субстанции (веществу) или вступают в собственнические отношения части / целого. Кроме того, здесь следует отметить, что «обладаемое – имя» в обязательном порядке содержит притяжательное местоимение, указывающее на обладателя.

Здесь также необходимо отметить, что существует менее употребляемая модель конструкции, включающая двойную маркировку обладания в разных случаях, которая соответствует двойному родительному падежу в английском языке. В настоящее время эта модель используется чаще, и встречается в ливанском арабском языке. Примеры таких конструкций регулярно звучат в радио-и телепрограммах, например

(31) *tahayatu la fadi la kull ilmustam'een* (букв. Приветствия / его / Фади / всем / слушателям, что означает «приветствия Фади всем слушателям»).

Такая тенденция приобретает все более широкое распространение среди других носителей арабского языка, особенно среди молодого поколения. Эти явления в средствах массовой информации, используемые на регулярной основе и поддерживаемые различными другими явлениями, такими как глобализация, языковой престиж и мода, несомненно, наложат отпечаток на новые языковые модели и сформируют новое языковое поведение.

Модель: Possessum + -en + Det. + Possessor (Обладаемое + *-en* + (опр.) + Обладатель).

В то время как модель «Обладаемое + Обладатель» представляет собой обычное явление в арабских диалектах Магриба, мы отмечаем другую структуру, существующую в берберском диалекте – маркер / суффикс род. падежа *-en*, присоединяющегося к ОБЛАДАЕМОМУ. Эта модель, где маркер владения выражен аналитическим способом, встречается часто в некоторых городских диалектах Алжира, таких как диалекты Недрома и Тлемсена (см. Guella, 1983), и в значительной части марокканских диалектов. Однако появление *-en* ограничено несколькими терминами родства.

Например, *xaay-en er-raajel* «брат этого человека» (брат – ПОСС. – мужчина)

yemmaay -en el-bent «мать девочки» (мать – ПОСС. – девушка)

uxt -en el-weld «сестра мальчика» (сестра – ПОСС. – мальчик)

bwaay -en Saahbi «отец моего друга» (отец – ПОСС. – друг – мой)

xaalt - en eT-Tbiib «тетя доктора по материнской линии» (тетя по материнской линии – ПОСС. – доктор).

Выводы

Вышеприведенные структуры отражают краткий обзор того, что считается полным объемом притяжательных конструкций в большей части арабского языка. Их анализ и распределение дают следующую классификацию:

1. Структура конструкции, т. е. сопоставление обладаемого и обладателя как в случаях определенных (с опр. артиклем), так и в неопределенных случаях (без артикля), например

kitab walad «Книга мальчика»

kitab ilwalad «Книга (опр.) мальчика».

2. Отдельный элемент находится между обладаемым и обладателем. Этот элемент может быть притяжательным маркером или классным показателем. Типичные примеры таких элементов включают: «*bita*» в египетском диалекте, «*diyāl*» в марокканском диалекте, «*hag*» в кувейтском и саудовском диалектах, «*mal*» в иракском диалекте, «*taba*» в ливанском и сирийском диалектах и т. д.

3. На формальном уровне характер притяжательных отношений в арабском языке варьируется от наименее явных до наиболее явных. Структура «номинальный + номинальный» представлена лексическим классом, в то время как выражение владения возможно также посредством синтаксической предикации, хотя за рамками этого исследования, как отмечалось ранее, в иллюстративных целях здесь приводятся перефразировки глаголами владения / обладания, чтобы показать весь спектр возможных реализаций.

4. Каждая структура демонстрирует бóльшую «синтаксизацию», чем предыдущая. В структуре конструкции никакие специальные синтаксические средства не указывают на характер притяжательных отношений. Напротив, конструкции, включающие промежуточный элемент, демонстрируют ряд синтаксических средств, демонстрирующих способ построения притяжательных отношений. На функциональном уровне это влечет за собой увеличение объема информации, передаваемой конструкциями от одного полюса к другому.

5. Самое главное, что притяжательные конструкции часто могут использоваться для осмысления понятий, так сказать, не связанных с владением. Это справедливо как для арабских диалектов, так и для английского языка.

1.3. Роль предлогов в выражении притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах

Наиболее распространенными предложными конструкциями для выражения посессивных отношений в арабском языке являются, прежде всего, конструкции с предлогом *li-* и предлогом *min*.

Конструкция с предлогом *li-* обычно используется в предложениях, которые начинаются с имени-посессора и потом выступают в качестве субъекта с обладаемым (посессумом), который перенимает роль субъекта, или с имени-посессума, в то время как посессор выступает в качестве предикативной части в именной группе.

Когда предложение начинается с предложной части, имя-посессум выступает в качестве субъекта, но ставится в конце:

(1) *ad-dawlātu lahā 'hdāfuhā* «Государство имеет цели»

(2) *li-lbayti talātatu 'abwāb* «Дом имеет три двери»

(3) *'al-baytu li-l' ah l-'akbar* «Дом (предназначен) для старшего брата» [Shboul, 1983: 32].

Следует отметить, что *li-* во всех этих случаях выражает посессивные отношения.

С помощью конструкции с предлогом *li* могут быть выражены различные случаи посессивности:

– отношения обладания (владения), которые в арабских грамматиках называются *mulk* «обладание». Примеры показывают, что использование *mulk* может служить указанием на конкретный, абстрактный или переносный смысл:

li-l-maliki qasrun fī 'asbānyā «Король владеет замком в Испании».

laka l-hiyār «Ты имеешь выбор».

lacala lahā cudrā «Может быть, она все же имеет отговорку».

la macna lahu «Это не имеет значения» [Shboul, 1983: 31–35]

и в метафорическом значении:

lahā 'alfu ḡānāḥ «Она имеет тысячу языков»

li-l-ḥiṭāni 'adān «Стены имеют уши» (поговорка)

'inna l-marāyā mā lahā dākīrah «Зеркала не имеют памяти» [цитируется по Shboul, 1983: 34].

– отношения часть – целое

li-lbayti talātatu 'abwāb «Дом имеет 3 двери».

– мнение, характер, привычка, профессия, жизнь, авторитет:

la-qad kānat lī ḥayātun malī 'ah «Моя жизнь была полна событиями».

lī wḡhatu nazarīn 'uḥrah «Я придерживаюсь) другого мнения»

‘*al-mašākilu d-dahilyah li-l-bilād* «Внутренние проблемы стран» [Shboul, 1983: 33].

Конструкция с предлогом *li* выражает отношения совместной принадлежности, а также обладание правом на что-то, принадлежности кому-то или чему-то.

Для выражения отношений частей тела и обязательных родственных отношений конструкция с предлогом *li* может использоваться условно, а именно: если речь идет об определенных особенностях этих объектов:

inna lahu 'uman marīdah «Он имеет большую мать»

wa-li-š-šucarā' i 'alsinatun hidād «Поэты / писатели имеют острые языки».

Необязательные родственные, дружеские, соседские и всевозможные социальные отношения, рассматривающиеся как посессивные, также могут выражаться с помощью предлога *li*.

С помощью предлога *li* могут быть выражены отношения к предметам, которые кому-то принадлежат, но их еще не получили, например: награды, письма.

«Вид посессивных отношений, выражаемых с помощью предложной конструкции с *li*, как показывают примеры, определяется используемыми существительными. И, тем не менее, изначально известно, что за исключением некоторых случаев, конструкция с предлогом *li* в целом выражает посессивные отношения. Таким образом, в семантическом выражении притяжательности предлог *li* принимает активное участие» [Краснощёков, 2020: 17–27].

Обычный порядок в арабских номинативных предложениях – субъект – предикат. Если же имя-посессум предшествует субъекту, а за ним сразу же следует предлог *li*+P'OR-личный суффикс / имя (определенное или неопределенное), то в первую очередь подчеркивается, кому принадлежит книга. Например:

‘*al-kitābu lī* «Книга (принадлежит) мне» [Brockelmann, 1982: 170].

В данном случае подчеркивается отношение обладания, если речь идет о выборе между многими вещами, или же о выборе между несколькими лицами.

И напротив, подчеркивается общее выражение посессивности, если говорят: «*In this case, the relationship is that of actual or potential owning based on «possession» or «deserving»*» («В этом случае – это

отношения фактического или потенциального владения на основе «обладания» или чего-то «заслуженного») [Brockelmann, 1982: 32].

Конструкции с предлогом *li* может заменяться другими средствами, прежде всего, если речь идет об отношениях неотчуждаемой собственности. Во многих случаях при выражении родственных отношений и отношений частей тела предпочтительнее использовать выражения с генитивом (родительным падежом) или существительным с посессивным суффиксом:

‘*abu*hu *šayḥun kabīr* «Его отец (есть / является) старый мужчина».

‘*umu*hu *marīdah* «Его мать больна».

И, наоборот, при выражении других отношений конкуренция не так велика:

mašādiru badīlatun li-t-ṭāqah «Замена источников энергии».

‘*il*taqaytu *bi-ṣadīqin lī* «Я встретился с одним из моих товарищей».

‘*al*-*mu’ tamaru l-‘awwalu li-l- ḥizb* «Первый (партийный) съезд партии»

‘*al*-‘ *amīnu l- cāmmu li-l-ḡāmicati l- carabiyah* «Генеральный Секретарь лиги арабских стран»

Установлено, что предложная группа с *li* часто применяется вместо определения в родительном падеже, если имя-посессум не используется с определением-прилагательным. Хотя во всех случаях возможно образование генетивного словосочетания путем последующей подстановки определения (*mu’ tamuru l-ḥizbi l-‘ awwal*). Исследования показали, что предложная группа, тем не менее, здесь предпочтительнее [Waldman, 1989: 35]. Предложная группа так же предпочтительнее, если к обоим существительным добавляется определение, выраженное (именем) прилагательным, указательным местоимением или определением в родительном падеже.

(1) *al- ḥiqabu l-muḥtalifatu li-l-muḡtamaci l-carabi*

«Различные фазы арабского общества»

(2) *as-sumcatu l- cālamyatu li-hada š-šācir*

«Мировая слава этого писателя».

(3) *furūcun maḥalliyatun li-šarikatin ‘uḥrah*

«Местные филиалы других фирм».

В состав конструкций с предлогом *li-* могут входить глаголы со значением существования или обладания. Например:

ad-dāru li-zayd «дом для Саид» («этот / артикль/ дом /вместо связи / для Саида»).

Если эта конструкция начинается с предлога: *li-zayd māl* «для Саида деньги» (Саид имеет деньги) – в ней может использоваться глагол со значением существования или обладания: «деньги для него» – *yakūn lahu māl*, или что «он владеет этими деньгами» – *li-zaydin mālun yamlukah*.

Таким образом, предлог *li* при выражении possessивности может использоваться в сочетании с глаголом.

Рассмотрим еще два случая использования предлога *li-*. В первом случае речь идет о сочетании *yaḥiqqu li*, где *li* выступает в сочетании с глаголом.

В данном примере словосочетание *yaḥiqqu li-* не выражает possessивных отношений. В своем подробном изложении о possessивных частицах в арабском языке, А. Шбоул [Shboul, 1983: 24–27] рассматривает это словосочетание лишь как possessивную возможность выражения: *lā yaḥiqqu lahu ‘an yabkī* «Ему нельзя плакать». Он переводит это как *He has the right* «Он имеет право». В данном случае ни арабское, ни английское предложения не выражают possessивные отношения, в приведенных автором примерах, нет и намека на possessивные отношения.

То, что кому-то дается право что-то получить, не может рассматриваться как possessивные отношения. Даже в сочетаниях с существительными, которые могут действовать как P'UM-ум отношения владения/обладания, как например: *al-baytu yaḥiqqu li-l-'ibni l-'akbar* «Дом старшему сыну», не могут восприниматься как possessивные отношения. В этом сообщении старший сын, в крайнем случае, рассчитывает получить дом, но это еще не означает, что он владеет этим домом.

С другой стороны, здесь следует указать на особое использование *li-*, которое мы рассматриваем как «подвергшийся воздействию». Такое использование предлога *li-* относится только к родственным отношениям и к отношениям части тела:

kusira lahu ḍilc – «У него сломано ребро».

māta lahu waladayn – «У него умерли два сына».

В этом применении речь идет только о неотчуждаемых отношениях и о необязательных родственных отношениях. Эти отношения могут быть так же выражены с помощью идафных конструкций, т.е. *kusira dilcah* «Его ребро сломано», в связи с этим характер воздействия в первой конструкции исчезает. Следует еще обратить внимание на то, что *li-* сегодня в некоторых идиоматических сочетаниях не выражает посессивных отношений: *liya š-šaraf* «Я имею честь, приятно» [Shboul, 1983: 31]

‘*abī ‘aḥḍara kitāban li- ‘aḥmad* – «мой отец принес Ахмету книгу».

Из примера не совсем ясно, является ли эта книга подарком для Ахмета, и в этом случае речь идет об отношении владения, или же книгу лишь одолжили на время (почитать).

Конструкция с предлогом *min*. Как и предлог *li* предлог *min* может использоваться в предикативных, и атрибутивных конструкциях. В отличие от предлога *li* и других конструкций, посессивные конструкции с *min* встречаются только после имени, к которому они относятся:

посессум-имя + *min* + посессор-имя

посессум -субъект + [*min* + посессор-имя]-предикат.

Предлог *min* может выражать следующее:

– часть от целого, например: *Akhatha mina el-mali* «он взял [часть] имущества»;

Mina an-nasi man yaqoulu anna «Среди людей есть такие, которые говорят, что...»;

Finjanon mina el-qahwati, wa koubaton mina el-ma’I el-baridi «Чашка кофе и стакан холодной воды»;

Bayton min bouyoutihi «Один из его домов»;

– вещество, из которого состоит предмет; в этом случае сочетание с предлогом заменяет сопряженное сочетание, например:

Babou min khashaben «Дверь из дерева»

Thaubon min hariren «Платье из шелка».

– принадлежность, происхождение (из города, племени и т. д.) например:

Rsjoulon min rabia’ta «Человек из племени рабия»;

Houa mina el-fallahina «Он из крестьян»;

Lasta minna «Ты не из нашего числа» [Гранде, 2001: 406].

«При использовании предлога *min* в атрибутивных синтагмах, основным критерием различия между атрибутивными и предикативными структурами, как и с предлогом *li-* является детерминирование основного имени (существительного). Если имя является определенным (с артиклем), то мы имеем дело с предикативными конструкциями, если же конструкция недетерминированная (без артикля), то речь идет об атрибутивной конструкции» [Краснощёков, 2020: 19].

Примеры:

(1a) *tālibun min misr* «(неопр.) студент из Египта»

(1b) *aṭ-tālibu min misr* «(опр.) студент из Египта».

Конструкции с предлогом *min* могут выражать только определенные посессивные отношения. Они часто используются в сочетаниях с именами, обозначающими партиitivность: *baḍūn min*, *ḡuz'un min*, а также неопределенное количество: *kaṭīr min*, *qalīl min*, *mazīd min* и др. В большинстве подобных случаев посессивность совпадает с партиitivностью. Сюда же включаются отношения по происхождению или принадлежности, которые считаются основным семантическим признаком предлога *min*, как представлено в примере (1), и в примере: *man min l-kūfyūn ḥaddatāh?* – «Кто из кaffиров ему рассказал?» [Brockelmann, 1982: 271].

Использование *min* обязательно, если отношения между именами (существительными) являются партиitivными. Если же используются не партиitivные существительные, то направляющее слово в этой структуре обозначает один или несколько экземпляров из общего количества.

(1) *marḥalatun ḥāsimatun min marāḥili ṭ-ṭatawwur*

«Решающий этап из этапов развития»

(2) *kammiyatun ḥā 'ilatun min n-naft*

«Количество большой нефти»

«Большое количество нефти» [Waldman, 1989: 36–37].

Конструкция с предлогом *min* в первом примере обязательна, генетивная конструкция, то есть конструкция с родительным падежом здесь не используется. Во втором примере возможно использование родительного падежа типа: имя – имя (существительное + существительное), поскольку отношение часть – целое не является предметом сообщения:

kammiyatu naftin ḥā 'ilah

«Количество нефть большой»

«Большое количество нефти»

Min часто встречается в «парономастических» структурах. Такие структуры С. Brockelmann рассматривает как возможность использования родительного падежа с именем существительным, так как «другие случаи использования подобных сочетаний в семитских языках являются недопустимыми» [Brockelmann, 1982: 272]:

malikun min l-milūk «Король из королей».

При такой «парономастике» возможны только атрибутивные сочетания, возможность посессивного номинативного предложения в этом случае исключена.

Напротив, в «парономастических» сочетаниях с родительным падежом типа имя-имя (существительное + существительное), где нет посессивности, конструкция с *min* часто выражает посессивные отношения, а именно: если слово, обозначающая посессора (обладателя), относится к определенному классу.

Таким образом, в выражении *šācīrrun min š-šucarā'* «Поэт из поэтов» нет отношений принадлежности, в то время как в словосочетании *šācīrrun min š-šucarā' l-carab* «Поэт из арабских поэтов» в группе «арабских поэтов» она бесспорно выражена.

В отдельных случаях выражение некоторых семантических отношений четче, чем посессивных:

Fatātun min baytin ṭayyib – «Девушка из хорошего дома».

В этом примере скорее выражаются отношения собственности.

В функции предлогов для выражения посессивных отношений употребляются некоторые имена либо слова явно именного происхождения, поэтому в грамматиках их называют «несобственно предлоги». В качестве самостоятельных имен, вне предложных сочетаний, они обычно не употребляются. Именной характер этих слов обнаруживается в том, что они в винительном падеже, находясь в сопряженном состоянии, сочетаются с именем в последующем родительном падеже. После предлогов «несобственно предлоги» ставятся в родительном падеже.

Так, например, частица *inda* передает значение принадлежности: «обладать чем-либо», «иметь что-либо в своем распоряжении»;

'Indahou kutubon kathiraton «У него много книг»;

'Indi shay'on mina ad-daqiqi «У меня немного муки» [Гранде, 2001: 409].

Для выражения посессивных отношений используются также частицы *siwa* и *gayra*, которые в арабском языке служат для выражения исключения («если не», «кроме», «помимо», «исключая» и др.). После этих частиц исключаемое слово ставится в родительном падеже, поскольку они являются именами, образующими с исключаемым именем сопряженное сочетание, выражающее притяжательные отношения. Частица *siwa* принимает при этом тот падеж, который приняло бы исключаемое после *illa* слово. Слово *gayra* по характеру своего окончания не изменяется по падежам, например:

Ja'a al-qaumou gayra zayden «Пришли [все] люди, кроме Зейда»;

Ma ja'ani gayrou akhika «Ко мне никто не пришел, кроме твоего брата»;

или *Ma kallamani ahadon gayra akhika* «Со мной не говорит никто, кроме твоего брата»;

Ma sallamtou ala ahaden siwa akhika «Я никого не приветствовал, кроме твоего брата» [Гранде, 2001: 416–417].

Частицы *hasha*, *khala* и *a'da*, также используемые в арабском языке для выражения исключения, могут выражать и притяжательные отношения. После этих частиц исключаемое слово стоит либо в родительном, либо в винительном падеже. Например: *Ra'aytoui koullahom hasha amren* или *Hasha amran* «Я видел всех, кроме Абра» [Гранде, 2001: 417].

Теперь рассмотрим ситуацию с предлогами в диалектах арабского языка. Например, в диалектах Магриба. Здесь предлоги *an* и *ila*, за исключением малозначительных бедуинских говоров Сахары совершенно исчезли, первый слился с *ala*, а второй с *li* [Kampffmeyer, 1905: 244]. Предлог *fi* редуцировался в *fə-/fi-*. Согласный *n* (в *mina*) постоянно ассимилируется, например *meggbel* «из горы». *Inda* с местоименными энклитиками повсюду заменяет глагол «иметь»: *'andi /'andek* «у меня есть / я имею», «ты имеешь» и т. д.

Для выражения принадлежности распространены служебные слова подобно *bitā'*, *tāba'*, *hagg*, *māl* восточных диалектов: *mtā'* (классический *mita*) *mta:ε* – в диалекте Туниса, *ntā'* – в диалекте Алжира, *duāl*, *de-*, *d-* – в диалекте Марокко. В некоторых говорах они изменяются по родам и числам, в зависимости от слова, с которым они употребляются, например: *albagra ntā'ot kaddūr* «корова Каддура» [Завадовский, 1962: 104]. Иногда они могут играть роль

настоящих предлогов. Служебные слова *mtā' du-*, *du-*, *d'* были известны еще в арабском диалекте Испании с X в. [Pèrès, 1950: 296, Завадовский, 1962: 104].

В мавританском диалекте (Хассания) сохранилось несколько старых предлогов литературного языка, среди которых стоит отметить, используемые для выражения притяжательных отношений *ilā* и *εan*, неизвестные в других диалектах Магриба. Наряду с этим имеются некоторые инновации: *sābæg*, *šō'r*, *gwa*, *bē'nāt*, *εāgəb*.

Остальные предлоги те же, что в литературном языке и других диалектах *l~lī* «для» (экспонент датива), выражает принадлежность *l-ahl* 'таких-то людей', *lī-y-āna* «мне принадлежит», «мое», «мне» [Завадовский, 1981: 54].

В Марокканском диалекте арабского языка за предлогом *li/l* 'к' «для»; закреплено, прежде всего, значение перехода действия на косвенный объект и значение цели. Значение принадлежности, столь характерное для этого предлога в литературном языке, в диалекте им почти утрачено. В этой функции выступают специальные служебные слова – *d*, *dyāl*, *mtāε*, которые можно сравнить с французским предлогом *de*, с предлогом *of* или притяжательным падежом в английском языке; в русском языке им обычно соответствует родительный падеж [Кямилев, 1968: 95].

Аналитический («предложный») способ становится решающим способом связи несогласованного определения с определяемым словом в этом диалекте, где отсутствует система падежного склонения имен, в противоположность литературному языку. Основными диалектными средствами связи при этом способе являются частица *d/di* и служебное слово *dyāl*. В бедуинских говорах употребляется в этой же функции *ntāε* или *mtāε*. В городских и горских говорах эти слова встречаются в исключительно редких случаях и, очевидно, всегда под влиянием бедуинских говоров. С помощью этих слов *d/di*, *dyāl* осуществляется сочетание имен с другими именами и имен со слитными местоимениями. В этом случае употребляется только *dyāl* (за исключением случаев, перечисленных выше): *l-ḥātəm d-əd-dhəb* 'золотое кольцо'; *əd-dār dyāli* «мой дом»; *l-ḥauma d-əl-qšba* «район Касбы»; *waḥdəlḥānut dyāl tābəqqālt* «бакалейная лавка». Из этих примеров, а также из примеров предшествующего описания можно видеть, что *d* и *dyāl* отличаются крайне ши-

роким семантическим диапазоном. С их помощью между компонентами атрибутивных словосочетаний может осуществляться самая различная по значению связь: собственно определительная, притяжательная, связь по принадлежности, связь части по отношению к целому и т. п. [Кямилев, 1968: 117–118].

В монографии о Тунисском диалекте Ю.Н. Завадовский (Завадовский 1979) упоминает частицу *mta:ε* (экспонент генитива), выступающую в качестве предлога и при этом указывает, что все предлоги сочетаются с местоименными аффиксами [Завадовский, 1979: 74].

В берберском языке предлоги отличаются от глагольных и именных частиц, если не всегда формально, то, во всяком случае, не всегда функционально. Набор предлогов в основном один и тот же во всех говорах и диалектах, хотя, конечно, есть вариации фонетического порядка. Имеются и чисто диалектные предлоги, например в кабилском говоре предлог *dar 'u'*, употребление которого в одном случае напоминает арабское диалектное слово *εand* с местоименными аффиксами в значении «у меня» = «я имею» и т.д. Предлоги преимущественно предпосылаются именам или местоимениям. Их встречают также и в абсолютном употреблении, например, в начале относительных местоимений или в начале подчиненных соединительных предложений, где они образуют соединительный элемент [Basset, 1952: 38]. Союзные элементы вообще не развились в берберском языке, и как видим, их заменяют в данном случае именно предлоги. Иначе говоря, вместо «аист и баран» берберы скажут «аист с бараном» (*bərradž d izimmer*), не отличая этой конструкции от конструкции типа «хлеб с маслом». Атрибутивный предлог *i* вводит дополнение, в некоторых случаях передавая русский дательный падеж [Завадовский, 1967: 58].

Выводы

Принимая во внимание все вышесказанное, приходим к выводу: при выражении притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах предлоги играют важную роль. С помощью конструкции с предлогом *li-* могут быть выражены различные случаи посессивности:

отношения обладания (владения), отношения часть – целое, отношения совместной принадлежности, а также обладание правом на что-то, принадлежности кому-то или чему-то; необязательные

родственные, дружеские, соседские и всевозможные социальные отношения, рассматривающиеся как посессивные, также могут выражаться с помощью предлога *li*.

Предлог *li* служит для выражения отношения к предметам, которые кому-то принадлежат, но их еще не получили, например: награды, письма.

Конструкции с этим предлогом могут заменяться другими средствами; прежде всего, если речь идет об отношениях неотчуждаемой собственности. Предложная группа с *li* часто применяется вместо определения в родительном падеже, она так же предпочтительнее, если к обоим существительным добавляется определение, выраженное (именем) прилагательным, указательным местоимением или определением в родительном падеже.

Для выражения притяжательных отношений в предикативных, и атрибутивных конструкциях также используется предлог *min*. Конструкции с этим предлогом выражают только определенные посессивные отношения. Использование *min* обязательно, если отношения между именами (существительными) являются партитивными. *Min* часто встречается в «парономастических» структурах.

В функции предлогов для выражения посессивных отношений могут употребляться «несобственно предлоги», которые как самостоятельные имена, вне предложных сочетаний, обычно не употребляются. После предлогов «несобственно предлоги» ставятся в родительном падеже.

Притяжательные отношения в арабском языке могут выражаться частицами, выполняющими роль предлогов (*inda*), для выражения принадлежности также используются служебные слова (*mtā'*, *dyāl*).

Предлоги используются и в диалектах арабского языка. В одних диалектах (мавританский) сохранились старые предлоги из литературного арабского языка. В других значение принадлежности, характерное для некоторых предлогов литературного языка, практически утратилось. Например, в Марокканском диалекте в этой функции выступают специальные служебные слова *d*, *dyāl*, *mtāe*, которые можно сравнить с французским предлогом *de*, и английским предлогом *of* или притяжательным падежом; в русском языке им обычно соответствует родительный падеж.

Аналитический («предложный») способ становится основным способом связи несогласованного определения с определяемым словом в этом диалекте. В этой же функции в бедуинских говорах употребляются служебные слова *ntāe* или *mtāe*. В берберском языке, например в кабийском говоре, для этой цели используется *dar 'u'*, со значением «у меня» = «я имею».

Таким образом, в выражении притяжательности в арабском языке и его диалектах предлоги принимают активное участие. Функции предлогов в арабском языке перенимаются частицами, которые управляют именами в родительном падеже. С помощью частиц и служебных слов, выполняющих роль предлогов, между компонентами словосочетаний может осуществляться притяжательная связь, связь по принадлежности, связь части по отношению к целому и т. п.

Синтаксически и семантически предлоги могут быть заменены родительным падежом или конструкцией с идафой, но в некоторых случаях предложная группа предпочтительнее.

Предложные группы могут отделяться от имен, к которым они относятся, прилагательными с предлогами, атрибутивным генитивом или определениями

Точно также как определение, выраженное прилагательным, предложные группы в арабском языке встречаются в качестве как атрибутивных, так и предикативных словосочетаний.

1.4. Выражение отношений посессивности в арабском языке с помощью местоимений

Притяжательность в арабском языке может быть выражена с помощью местоимений. Здесь, как и в других семитских языках, кроме самостоятельных личных местоимений, которые могут выступать в качестве субъекта предложения, существуют так же зависимые личные местоимения, выполняющие роль либо личных местоимений, либо посессивных суффиксов. Например: личн. м. ед. ч. *'anā* «я», *'anta* «ты» м.р., *'anti* «ты» ж.р., *huwa* «он», *hiya* «она» и т. д. [Schall, 1988: 33]. Эти местоимения, находясь в различных словосочетаниях, могут присоединяться к именам, глаголам, наречиям и предлогам (за исключением *ka*, *hatta* и *mun* [Reckendorf, 1967: 291]).

Самостоятельные местоимения употребляются только в именительном падеже, местоимения в функции личных суффиксов выражают род. и вин. падежи. Самостоятельные и зависимые местоимения различаются в трех формах: 3-е л. двойств. ч. *humā* «они оба», 3-е л. м.р. *hum* «они» и 3-е л. ж.р. *hunna* «они» (женщины), в остальных формах они совпадают [Reckendorf, 1967: 290–291].

Зависимые местоимения образуют собственную парадигму, не совпадающую с парадигмой самостоятельных личных местоимений. Например: ед. ч. 1-е л. *-ī* «мой», *-nī* «меня»; 2-е л. *-ka* «твой, тебя» м. р.; *-ki* «твоя, тебя» ж. р.; *-hu* его, —, м.р., *-ha* ж.р. ее, и т.д. [Schall, 1988: 33–34].

Личные местоименные суффиксы присоединяются к именам (к формам в конструкции примыкания):

Им. п. *kitabu-h* «Книга-его – Его книга» (им. п.)

Род. п. *kitabi-h* «Книга-его – Его книги» (род. п.)

Вин. п. *kitaba-h* «Книга-его – Его книгу» (вин. п.)

Перед определенными звуками (гласными, согласными и звуками в конце слова) происходят некоторые фонетические изменения. Например: перед личным суффиксом 1-го л. ед. ч. в конструкции сопряжения выпадают краткие окончания [Brockelmann, 1985: 92]:

kitab-i «Книга-мой. – Моя книга».

После конечного долгого *-i* появляется суффикс 1-го л. ед. ч. *-ya* *kitab-ya* «Мои обе книги» так же после конечного *-au*:

kitabay-ya «Мои обе книги» (род. п. – вин. п.)

(ср. там же, Schall, 88:34, Reckendorf, :293 и Fischer, §54 а).

В случае если личные суффиксы присоединяются к именам, они обозначают РП, и выступают как посессивные суффиксы, как замена, отсутствующих в арабском языке притяжательных местоимений.

В большинстве арабских диалектов развиваются аналитические формы замены генитивных показателей, при этом исчезают связи род. падежа, существующие между Р'UM-ом и Р'OR-ом и в различной степени согласующиеся в конструкции с примыканием (*Status Constructus=SC*) с Р'UM-ом. В основном генитивные показатели используются для выражения отчуждаемой принадлежности. В то время как неотчуждаемую принадлежность выражает конструкция с примыканием (SC), из которых генитив исключается. Прежде всего речь идет о частях тела и родственных отношениях, причем это не относится к супружеским отношениям.

С точки зрения этимологии эти генитивные показатели в большинстве своем восходят к понятиям «вещь, дело» *matāc*, *bitāc* или к понятию *haqq*.

В египетском-арабском они выступают в качестве приложения к имени, в тесной связи с генитивом, и таким образом придают ему синтаксическую подвижность. *Betāc* «владение / обладание», что образует слово ж. р. *bitācet* и *betu*, в сущности ограниченный в соединении / связи с суффиксом мн. числа, служит большей частью для обозначения отчуждаемой принадлежности, т.е. материальных отношений обладания; в провинции Марокко это *ntāc*, в Палестине наряду с *betāc* используется *tabac*, в Дамаске *šīt*, а в Ираке и Омане *māl*. Почти во всех этих именах используются в качестве суффиксов личные местоимения.

Если личные суффиксы присоединяются к глаголам, они обозначают винительный падеж (ВП), и тогда они выполняют функцию личных суффиксов, выступая при этом как показатель объекта в винительном падеже. За исключением 1 л. ед. ч., формы личных суффиксов для родительного и винительного падежей идентичны [Fischer, 1972: 125–126].

Отношения посессивности в конструкции с родительным падежом (обладаемое + имя + посессивный суффикс обладателя) выражаются с помощью личных суффиксов, которые присоединяются к (имени) обладаемому в качестве энклитиков. Таким образом, порядок слов остается неизменным: обладаемое – обладатель; обладатель следует после обладаемого.

К обладаемому присоединяется посессивный суффикс, при этом показателем падежа обладаемого служит последний звук перед согласным, а не сам суффикс.

<i>kitabuha</i>	<i>kitabaha</i>	<i>kitabiha</i>
книга её (им. п.)	книга её (вин. п.)	книга её (род. п.)
её книга	её книгу	её книги

К сожалению, русский вариант перевода не передает подлинной картины падежных окончаний.

Посессивный суффикс для 3-го лица ж. р. *-ha*, как показывают примеры, не изменяется в родительном и винительном падежах.

Суффиксы посессивности могут присоединяться ко всем существительным, включая имена собственные; это объясняется тем, что арабский язык отдает особое предпочтение суффиксам родительного падежа [Reckendorf: 291].

‘aḥmadukum «Ахмед-ваш – Ваш Ахмед».

Существительные со значением времени, также могут присоединять суффиксы посессивности, сообщая о происшедшем за указанный период.

salla laylatah «молился ночь-его – Он молился всю ночь».

В этом примере передано, что молился он именно этой ночью, которая упоминается [Brockelmann, 1985: 164].

В обязательном порядке суффиксы посессивности присоединяются к существительным, обозначающим части тела и родственные отношения.

darabaha cala ra’siha «Ударил-её (вин. п.) по голова-ее»;

«Он ударил её по ее голове»,

говорят также:

daraba ra’saha «Ударил-голова-ее» – «Он отсек ее голову».

laṭamat waḡhah «Ударила лицо-его» – «Она ударила его по лицу» [Reckendorf, 1977: 292].

Эти суффиксы могут использоваться для выражения отношений часть-целое.

la ‘ya’tuna l-biyūta min ‘abwābihā (там же.) «Не входить (опр.) дома через двери-их» – «Они не входили в дома через двери».

Идафа-конструкции с личными суффиксами считаются типичными атрибутивными сочетаниями существительного с зависимыми словами в арабском языке. В роли обладателя в этом случае могут выступать местоимения.

При этом личные суффиксы неизменяемы. Они определяют только обладателя (посессора), согласуясь с ним в роде и числе. К обладаемому (в конструкции с примыканием) они формально не имеют отношения. Они связаны с ним только тем, что присоединены к нему как энклитики, не согласуясь с ним. Функция подчинения здесь абсолютно не выражена, напротив, здесь ярко выражена связь с обладателем (посессором).

Именная группа «Имя + посессивный суффикс» в арабском языке в сочетаниях с обозначениями времени формально имеет определенный характер, что также формально исключает использование определенного артикля.

Названия частей тела, родственные отношения почти всегда выражаются суффиксами, относящимися / указывающими к обладателю (посессору). Corell высказывает точку зрения, что эти отношения делают наличие посессивного суффикса обязательным, т.е. с другими именами он может и не употребляться (ср. Corell, 1978: 246).

Диим В. (Diem 1986) на основании анализа текстов установил, что посессивный суффикс практически всегда используется с названиями частей тела и родственных отношений. С другими именами он может употребляться факультативно. Этот суффикс не употребляется в тех случаях, когда отношение существительного является однозначным. В некоторых контекстах речь идет о двойной маркировке посессивных отношений: с помощью предлога *li-* в соединении с посессивными суффиксами:

taraka banatan lahu sabc «Оставить дочери от-его семь»

«Он оставил после себя семь дочерей» [Reckendorf, 1977: 292].

Следует указать на то, что это возможно тогда, когда одно из этих значений выступает как отдельное существительное. Например:

wa-fī haḍīhi l-laḥzah daḥalat l-‘umu wa-ra‘ at kula šay‘

«И-в этот-(опр.)-момент вошла-(опр.)-мать и-увидела все»,

«И в этот момент вошла мать и увидела все».

Обычно такие обозначения встречаются в сочетаниях с посессивным суффиксом. В связи с этим необходимо вернуться к рассмотрению выражений частей тела и родственных отношений как имен относительных.

Наличие суффикса не отрицает, что имя существительное *'um* «мать» само по себе неявно указывает на другого референта, о матери которого идет речь. Во всяком случае, это слово в арабском языке меняется с помощью местоименной идафы.

В арабском языке такого рода имена могут использоваться в разговорной речи, только если они получили эксплицитное выражение с помощью других имен или местоимений.

Местоименное выражение обладателя (посессора) считается наиболее слабым примером экспликации. Прономинализация обладателя (посессора) в арабском языке – это наиболее имплицитный способ выражения посессивности.

Во-первых, речь идет о местоименной реализации, во-вторых – она осуществляется с помощью суффиксов – связанных граммем, строго грамматическим способом. Во всяком случае посессивные суффиксы в арабском редко заменяются определенным артиклем [Diem, 1986: 245 и след.].

Одновременно с процессом грамматикализации происходит процесс десемантизации. Типичным примером этого в арабском языке могут служить посессивные суффиксы. Они отчетливо иллюстрируют этот феномен, комбинируются с существительными и таким образом, не только производят грамматическую ссылку (указывают на род, число), но и внеязыковую.

В арабском языке суффиксы родительного падежа как средство выражения грамматических отношений присоединяются не только к существительным, но и глаголам, предлогам и частицам. Они могут выражать не только посессора, но и объекты (дополнение) и предложные определения.

Вся система референций в арабском языке указывает на них, за исключением номинативной референции, которая реализуется с помощью личных местоимений.

Такое представление посессора является сильно грамматикализованным. Посессивные суффиксы не служат в этом случае выражению посессивных отношений. Эти отношения выражаются с помощью слова, к которому присоединился суффикс. Если суффикс присоединился к имени существительному, то посессивные отношения выражает оно.

Об ином виде выражения отношения будет идти речь, если суффикс присоединится к глаголу, какой-либо частице или предлогу.

Благодаря тому, что посессивные суффиксы могут присоединяться ко всем существительным, и полученные сочетания зависимы от них (этих существительных), многие другие отношения могут быть реализованы вне сферы посессивных, что, прежде всего, демонстрируют словосочетания с обозначением времени и отглагольные существительные.

1.5. Выражения притяжательности в арабском языке с помощью суффиксов

В предыдущих разделах рассматривалось выражение категории притяжательности в надждийском диалекте арабского языка (Саудовская Аравия) с помощью притяжательных конструкций, и, в частности, конструкции примыкания (SC).

Во многих грамматиках эти конструкции часто называются конструкциями «синтетического обладания / притяжательности», поскольку в них используются притяжательные суффиксы, как в примере (1b).

(1) а. *kitaab Saara*

«книга Сара»

«книга Сары»

б. *kitaab-ha*

«ее книга».

В соответствующей литературе о посессивных именных словосочетаниях можно встретить по этому поводу замечания: Plunkett (2006: 95–96), Benmamoun (2000: 142) и Choueiri (2006: 95–9). Существует также исследование Ахмеда (2015), в котором подробно рассматривается (прономинальная) местоименная система в классическом арабском языке, но только в сфере глагола.

В примере (1b) притяжательный суффикс *-ha* «ее» присоединяется к посессуму *kitaab* «книга», образуя притяжательную конструкцию *kitaab-ha* «ее книга».

Надждийский диалект, как и другие арабские диалекты, использует такие притяжательные суффиксы для синтетического выражения обладания (посессивности). В таблице 1 представлен полный список притяжательных суффиксов в арабском языке (надждийский диалект) с примером для каждого.

Посессивные суффиксы в арабском языке
(надждийский диалект)

Посессивные суффиксы	Свойства	Примеры
-i	1 л	<i>kitaab-i</i> «моя книга»
-ik	2 л	<i>kitaab-ik</i> «твоя книга»
-ah	3 л м. р.	<i>kitaab-ah</i> «его книга»
-ha	3 л ж. р.	<i>kitaab-ha</i> «её книга»
-na	1 л мн. ч.	<i>kitaab-na</i> «наша книга»
-kum	2 л мн. ч. м. р.	<i>kitaab-kum</i> «ваши книги»
-kin	2 мн. ч. ж. р.	<i>kitaab-kin</i> «ваши книги»
-hum	3 л мн. ч. м. р.	<i>kitaab-hum</i> «их книги»
-hin	3 л мн. ч. ж. р.	<i>kitaab-hin</i> «их книги»

Статус таких суффиксов, как *-ah* «его», *-ha* «ее» (или *ʔadʕ - dʕamiir ʔal-muttasʕ il* присоединенное местоимение', как называют их традиционные арабские грамматики), остается неясным и все еще спорным вопросом в синтаксисе семитских языков. Подобная неясность отражается в терминологии, используемой в литературе для обозначения таких форм (присоединенных к посессору и другим лексическим единицам). Например, Фасси Фехри (1993) следуя вышеупомянутой традиции, называет такие прономинальные элементы как «инкорпорированные местоимения» или «суффиксальные местоимения». Шлонский (1997), с другой стороны называет их «клитиками» или «энклитиками», указывая, что они являются чистыми согласовательными морфемами.

Следует также добавить, что притяжательный суффикс может использоваться со всеми типами притяжательных имен (существительных). Рассмотрим следующие примеры:

(2) а. *kitaab-i*

«книга-моя»

«Моя книга».

Здесь необходимо отметить, что надждийский диалект не отличается от классического арабского или других диалектов региона в отношении синтаксиса прономинальных притяжательных суффик-

сов. Однако существует незначительная разница между классическим арабским, с одной стороны, и надждийским диалектом, а также другими разновидностями арабского языка, с другой стороны, когда речь идет о форме 3-го лица единственного числа мужского рода, которая в первом случае имеет форму *-hu*, а во втором *-ah/ -uh*.

- b. *kalb-ah*
«собака-его»
«Его собака»
- c. *ridzl-i*
«Моя нога»
- d. *ṣamm-ha*
«Ее дядя»
- e. *fikrat-na*
«идея-наша»
«Наша идея»
- f. *s adiig-i*
«друг-мой»
«Мой друг».

Как видно из примеров, притяжательный суффикс может присоединяться к различным типам посессумов, включая отчуждаемое / (2 a-b), неотчуждаемое обладание (2 c-d), абстрактные понятия (2 e), социальные отношения (2 f) и т. д. Напомним, что это также относится и к конструкциям с примыканием (CS), как мы уже видели ранее.

В предыдущем разделе отмечалось, что притяжательный суффикс выражает множество различных генитивных отношений (ср. (1) выше). Как и в притяжательных конструкциях с примыканием (CS), определенный артикль *ʔal* не ставится, если главное имя (существительное) уже имеет притяжательный суффикс.

Сравните следующие конструкции.

- (3) a. *kitaab-ha*
«книга-она»
«Ее книга»
- b. *al-kitaab-ha*
«(опр.) книга-ее»

Предназначение: «ее книга».

Если предположить, что определенный артикль *ʔal* является маркером определенности и что суффикс *-ha* в имени существительном в (3a) также обладает признаком определенности, налицо неточность формы (3b); принимая во внимание, что язык не терпит дублетов, то лексическая единица не может быть дважды отмечена одним и тем же маркером (Marantz 1988).

Доказательством в пользу этого предположения, что детерминированная структура (ДС) 'Имя + притяжательный суффикс' является определенной, служит обязательное использование определенного артикля *ʔal* с любым сопровождающим именем (прилагательным), как в (4).

(4) *kitaab-ha (al)-dzadiid*

книга- ее (опр.) -новая

«Ее новая книга».

Использование определенного артикля *ʔal* с именем (прилагательным) *dzadiid* «новая» в таких посессивных конструкциях указывает на то, что данное словосочетание (ДС) *kitaab-ha* «ее книга» является определенным словосочетанием, а не неопределенным. Таким образом, в арабском языке не употребляются совместно притяжательные именные словосочетания с притяжательным суффиксом и определенным артиклем, как это имеет место, например, в английском языке (*the her book*).

Здесь следует отметить, что некоторые языки допускают (или даже требуют) использование притяжательного суффикса с определенным артиклем (ср. (i)). Обсуждением этого вопроса среди прочих занимались: Cardinaletti (1998), Haspelmath (1999), Longobardi (2001), Alexiadou et al. (2007) для итальянского, староиспанского, греческого и падуанского языков; Karimi (2007) для итальянского, староиспанского, греческого и падуанского языков. Падуанский; Karimi (2007) для курдского; Holmberg и Odden (2004, 2008) для хаврами.

(i) a. *la sua macchina* – «его машина» (итал.)

b. *il mio libro* (итал.) – «моя книга» (данные из Alexiadou и др. 2007: 553, 566).

Структура, состоящая из имени *kitaab* и посессивного суффикса *-ha* (см. табл. 1) представляет собой именную фразу, где суффикс (*ha*) является показателем определенности и, поскольку он явля-

ется суффиксом, то ставится после имени, к которому он относится. Таким образом, имя *kitaab* (Possessum) оказывается в начале словосочетания (именной фразы), а проминальный посессор (поссесивный суффикс *-ha*) присоединяется к поссесуму справа. (ср. Jamary 1993; Plunkett 1996; Choueiri 2006). Постановка имени (существительного Possessum) в начало фразы является причиной отсутствия артикля *ʔal* в притяжательных конструкциях с проминальными (местоименными) посессорами. Планкетт (1996) предлагает следующую структуру для стандартной арабской поссесивной конструкции [Plunkett 1996: 95].

(5) Possessum-Acc.-Possessor (pronom.)

Maal-a-hu (MSA)

«Деньги-вин. п-его»

«Его деньги».

В свете данных из палестинского языка Шлонский [1997: 177–179] отмечает, что семитские клитики обладают тремя основными характеристиками: (1) они могут присоединяться ко всем лексическим категориям, а также к некоторым функциональным категориям; (2) они всегда являются энклитиками, прикрепляющимися справа от своих реципиентов (к слову, к которому он относится) и (3) они не имеют различий по падежам, как показывают следующие предложения в примерах 34 a-d:

(6) а. *kaan b-itxayut^f-ha* (палестинский диалект)

прош. *быть* 3 л. ед. ч. м. р. прош. *шила* 3 л. ед. ч. ж. р.

«Он шил ее».

б. *ʕafaan-ha b-itxayut^f l-fist^fyaan* (палестинский диалект)

потому что – 3 л ед. ч. ж. р. – прош. *шила* (опр.) – *платье*

«Потому что она шила платье...».

с. *tmunot-eha tluoyot ʕal ha-kir* (иврит)

картина – 3 л ед. ч. ж. р. *висеть. пассив. Бенони. ед. ч. ж. р. на* (опр.) – *стена*

«Ее картины висят на стене».

д. *haʕavnu ʕal-eha* (иврит)

думать. прош. 1 л. мн. ч. о – 3 ед. ч. ж. р.

«Мы думали о ней».

Таблица 2

**Парадигма семитских клитов в палестинском арабском языке
(адаптация Шлонского 1997: 179)**

a	Глагол + объект:	<i>ʃhimt l-mʕalme</i> . Понимать прош. 1 л. ед. ч. (опр.) -учитель. ж. р. «Я понял (опр.) учитель»	<i>ʃhimt-ha</i> . понял-ее «(Я) понял ее»
b	Имя + Possessor:	<i>beet l-mʕalme</i> дом (опр.) -учитель ж. р. «учителя дом»	<i>beet-ha</i> дом-ее «ее дом»
c	Предлог + объект:	<i>min l-mʕalme</i> от (опр.) -учитель. ж. р. «от (опр.) учителя»	<i>min-ha</i> от-нее «от нее»
d	Комплементатор + субъект:	<i>ʔinnu l-mʕalme</i> Тот (опр.)-учитель ж. р. «тот учитель...»	<i>ʔin-ha</i> тот-она «та она...»
e	Квантификатор+ определяющее словосочетание:	<i>kull l-mʕalmaat</i> все (опр.)-учителя ж. р. «все учителя»	<i>kull-hin</i> все-они «все из них»

Таблица 2 представляет посессивные суффиксы и примеры из палестинского арабского [Halle и Marantz 1993; Noyer 1997], (см. Shlonsky 1997: 179).

Предложения в примерах б (а-d) и парадигма в таблице 2 ясно подтверждают, что семитские клитики появляются во всех лексических категориях, в глаголе (6а и табл. 2а), существительном (6с и табл. 2б), предлоге (6d и табл. 2с), и др. Шлонский [1997: 177–179] указывает далее, что вышеупомянутые три пункта резко контрастируют с клитиками в других языках. Например, в романских (см. 7 а-с) они появляются не у всех лексических единиц, а только в глаголах. Они могут быть энклитиками в императивных конструкциях (7с) или проклитиками в переходных глаголах (7а); и они проявляют падежные различия, о чем свидетельствует форма аккузативного клитика 3ба; по сравнению с дательной формы в 7б.

(7) а. *Elle l'a cousu*. (франц.)

«она сшила»

«Она сшила это».

б. *Elle lui donne un cadeau*.

«Она 3л ед. ч. дат. п. дарит подарок»

«Она дарит ей / ему подарок».

с. *Donne-lui un cadeau!*

«дарить 3 л ед. ч. подарок»

«Подарите ему / ей подарок!»

Шлонский указывает, что четвертое свойство, которое отличает клитики арабского языка от других языков, таких как, например, французский или итальянский, заключается в том, что они никогда не объединяются в кластеры. Это ясно видно из примеров французского и итальянского языков, и как показано в следующих предложениях из кайренского арабского языка [Shlonsky, 1997: 180]:

(8) а. *il-mudarris fahhim id-dars li-l-bint.*

Учитель понимает (прош. – причина) – 3 л. м. р. ед. ч. урок девочке

«Учитель объяснил девочке урок».

б. *il-mudarris fahhim l-bint id-dars.*

«Учитель понимает (прош. – причина) 3 л. м. р. ед. ч. девочка урок

с. *il-mudarris fahhim -u li-l-bint.*

«Учитель понимает (прош. – причина) 3 л. м. р. ед. ч. – 3 л. м. р. ед. ч. девочке

д. *il-mudarris fahhim -ha id-dars.*

«Учитель понимает (прош. – причина) 3 л. м. р. ед. ч. –(ей) 3 л. ж. р. ед. ч. урок

е. *il-mudarris fahhim -u laa-ha.*

«Учитель понимает (прош. – причина) 3 л. м. р. ед. ч – 3 л. м. р. ед. ч – (ей) 3 л. ж. р. ед. ч

ф. **il-mudarris fahhim -ha -u / -u -ha*

«Учитель понимает (прош. – причина) 3 л. м. р. ед. ч – 3 л. ж. р. ед. ч – 3 л. м. р. / м. р. ед. ч – 3 л. ж. р. ед. ч.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: притяжательные суффиксы (и прономинальные суффиксы в целом) в семитских языках используются для синтетического выражения обладания, как чистые согласовательные морфемы.

Притяжательный суффикс может использоваться со всеми типами притяжательных имен, присоединяться к различным типам посессивов, включая отчуждаемое (2a-b) и неотчуждаемое обладание (2c-d), абстрактные понятия (2e), социальные отношения (2f) и т.д.

В арабском языке не употребляются совместно притяжательные именные словосочетания с притяжательным суффиксом и определенным артиклем.

Семитские клитики обладают следующими основными характеристиками: (1) они могут присоединяться ко всем лексическим категориям, а также к некоторым функциональным категориям; (2) они всегда являются энклитиками, прикрепляющимися справа к своему реципиенту; (3) они не имеют различий по падежам; (4) клитики, никогда не объединяются в кластеры.

Глава II. Использование имени-релятора при выражении притяжательности в арабском языке

В качестве одного из факторов в реализации притяжательных отношений арабский язык кроме упомянутых возможностей реализации, предлагает также имена существительные, выступающих в качестве реляторов – реляционных имен таких как: *dū* или *ṣāhib*.

Реляционными именами или иначе именами-реляторами являются имена существительные, основная функция которых состоит в том, чтобы указывать на какие-либо объекты через их отношения к другим объектам, уже известных слушающему. Наиболее явным случаем подобного указания являются так называемые посессивные конструкции.

В вышеназванных способах выражения притяжательности, реляционные отношения передаются с помощью существительных: одного или двух или же существительных и суффиксов. В последующем синтаксический контекст, в котором выражается притяжательное отношение, увеличивается с помощью еще одного фактора, который мы и называем здесь *релятор* (реляционное имя).

«В качестве *релятора* в арабском языке могут выступать имена существительные, такие как, *dū* или *ṣāhib*, а также предлоги, наречия и имена прилагательные. Эти структуры могут представлять собой как атрибутивные, так и предикативные синтагмы, что уточняется с помощью элемента определенности или неопределенности стоящего в ее начале» [Краснощёков, 2021: 236].

В притяжательных *iḍāfah*- и *nact*- конструкциях (по модели: имя-суффикс; имя-имя; имя существительное-имя прилагательное), эти два полюса реализуются в рамках собственных моделей.

Сочетания с *'iḍāfah*- и *nact*- могут указывать только на одну из двух конструкций и соединяться с именем, к которому они относятся, как атрибутивно, так и предикативно.

Во всяком случае, существуют *iḍāfah*-синтагмы, которые встречаются чаще в атрибутивных конструкциях. И наоборот, есть другие синтагмы, использующиеся чаще в предикативных конструкциях.

Сочетание по модели «Possessum – Possessor» может охватывать всю сферу выражения родительного падежа, в то время как обратная форма Possessor – Possessum ограничена только определенными сочетаниями родительного падежа.

Модель Possessor – Possessum можно создать с помощью определенных слов в сочетаниях с родительным падежом. Чаше других используется слова *dū* m. / *dā* f. и *šāhib* m / *šāhibat* f.

dū «он / который с», *dū māl* «Владелец денег, богач»
šāhib «товарищ, владелец», *šāhibu caql* «разумный».

Эти слова встречаются в конструкции с *idāfah* и стоят или между P'OR и P'UM для связи и согласовываются с P'OR-ом или представляют P'OR-ра. Они выступают преимущественно в качестве связки, когда определяемое слово используется без артикля, т.е. ничем не выделено:

rağulun dū māl

«мужчина с деньгами» (какой-то) богач

rağulun šāhibu māl

«(какой-то) мужчина владелец денег» «(какой-то) богач».

В том случае, если они выступают как связка в сочетании с детерминированным именем, они выступают в функции приложения:

ar-rağulu dū l-māl

«(арт.)-мужчина с арт.-деньги»

(арт.)-богач,

ar-rağulu šāhibu l-māl

«(арт.)-мужчина владелец арт.-деньги»

(опред.) богач.

В других случаях они представляют посессора (P'OR-ра).

dū l-māl,

šāhibu l-māl

Если сочетание «Possessor – имя существительное» является определенным (детерминированным), а сочетание «Possessum – имя» неопределенным, то речь идет не об атрибутивной синтагме, а о номинальном предложении, то есть мы выходим за пределы атрибутивной сферы и переходим в предикативную:

al-carūsū dā tu mālin wa-ğamāl

«(арт.)-Невеста с деньгами и-красотой»

«(опр.) Невеста богата и красива».

Сочетания род. падежа с функциональными словами в основном выражают свойства, отдельные из которых следует рассматривать в качестве притяжательных отношений:

fatātun dātu mazharin ġadāb

«Девушка с внешностью привлекательной»

«(неопр.) девушка, которая привлекательно выглядит»

raġulin dū mālin wa-banīn

«мужчина с деньгами и-сыновья»

«(неопр.) мужчина, который богачом является и большую семью имеет».

При замещении имен слово *šāhib* используется чаще, чем *dū*, именно потому, что *šāhib* может выступать в значении «владелец»:

šāhibu l-carabati l-ħamrā

«Владелец красного (опр.) автомобиля»

и таким образом, является владельцем красного автомобиля, ему же принадлежит и свойство «быть богатым».

Напротив, с использованием *dū* более четко выражаются свойства. В сочетании с материальным обладанием *dū* употребляется почти всегда с *māl* (выражая состояние), а со словами автомобили и дома, например, вообще не встречается.

Оба слова, не являясь одинаковыми по своим функциям, тем не менее частично пересекаются [Reckendorf, 1895-98 §80 и Reckendorf 1921 §87] и прежде всего, в детальной трактовке обоих слов.

Имя-релятор *dū* относится к «пяти именам существительным», которые представляют особое склонение: *ab* – «отец», *'ah* – «брат», *ħam* – «тесть; свёкор», *fū* – «рот» и *dū* – «тот с».

Характерным для этих пяти имен, в том случае, если они выступают в качестве основного (определяемого) слова является то, что «краткий гласный склоняемого окончания во всех падежах переходит в соответствующий долгий, и в этом случае появляется в письменном арабском» [Waldman, 1986: 12]:

Именительный: *dū māl*

Родительный: *dū māl*

Винительный: *dū māl*

В арабских грамматиках (см. Фишер) *dū* описывается как *wašlah* «соединительный член», служащий для описания имен. Он используется для их конкретизации [Fischer, 1972: 130].

Фишер рассматривает его как атрибутивное определение [там же: 182]. Рекендорф указывает на его синтаксическую функцию

и называет его «показателем генитива», средством отмены генитивной связи между именами [Reckendorf, 1921 §87]. Дим В. выделяет, прежде всего, его функцию обозначения и описывает его как «дейктический элемент без определенного значения» [Diem, 1986: 245].

Для предлагаемого исследования большое значение имеет то, что *dū* не является Р'OR-ом, а лишь устанавливает посессивное отношение между Р'OR-ом и Р'UM-ом, по существу исполняет обязанности показателя генитива [там же]. Он может относиться как к одушевленному, так и к неодушевленному Р'OR-у, и этим, прежде всего, отличается от слова *šāhib*.

Отношения, которые передает *dū*, Дим В. приписывает исключительно «неотчуждаемости». Таким образом, *dū* (X) можно перефразировать, как «некто (кто-то), о котором говорится, что X образует от него часть». Эту функцию впервые выделили (но не объяснили) Blom-Reuschel-Samarraie [Blom-Reuschel-Samarraie, 1981: 223]. Это определение звучит так: «Обязательно входящее (под этим понимается функциональное слово) в состав генитива дополнение, обозначающее некое общее или специфическое свойство или принадлежность,.. но не конкретное отношение обладания» (там же). Можно согласиться с выводом Дима, исключая его предположение, что *dū* может выступать в некоторых вещественных сочетаниях, как например, *dū māl* – «богач». Как он сам указывал (на это), *dū* в большей степени выражает тесные отношения свойств с относительным существительным. Свойства относятся здесь в большинстве случаев к «неотчуждаемому» содержанию: *dū caql* – «благоразумный», в других случаях говорится о тех немногих свойствах, которые так тесно связаны с определяемым лицом, что его так же можно рассматривать как «неотчуждаемое».

dū tağārib «с опытом», *dū cilm* – «ученый» и т. д.

В сочетаниях, выражающих отношения родства и частей тела и относящихся к «сфере отчуждаемости», *dū* используется, если речь идет о наличии определенных свойств. Например, предмет сообщения в выражении *dū qadamin mašl lah* – «парализованная нога» означает не то, что X имеет ногу, что является само собой разумеющимся, а то, что его нога парализована.

Имя-релятор *šāhib* в значении «спутник» является существительным и образует с последующим генитивом большей частью определенное генитивное сочетание. Он (*šāhib*) – посредник между Р'OR-ом и Р'UM-ом и одновременно может функционировать как

P'OR. Это выступает признаком человека. Выполняя роль связки, *šāhib* имеет скорее характер приложения, чем союза:

šāhib l-bayt

«Владелец (опр.) дома»

ar-ra_ulu šāhib l-bayt

«(опр.) мужчина, Владелец (опр.) дома».

Взаимосвязь, которую поддерживает *šāhib* с P'UM-ом, является очень неопределённой и разнородной. Преимущественно речь идет об отношениях отчуждаемости. В качестве значения слова *šāhib* В. Дим отмечает: «Обладание, имеет отношение к... зависит от...» [Dīm, 1986: 246]. Слово *šāhib* может также обозначать издателя книги *šāhib l-kitāb* и переносчика болезни *šāhib maraḍ*. Возможна и связь значения *šāhib* с абстрактным; здесь оно пересекается со значением *dū* (там же). Во многих случаях связь можно определить только исходя из контекста. Общим для этих реляторов является то, что для выражения релятивных отношений они могут использоваться и синтаксически, и семантически.

Синтаксически они применяются для выражения P'OR-а и P'UM-а одинаковым способом или выступают сами в роли P'OR-а. Семантически оба слова несут лексическое значение посессивности. При *dū* семантическое отношение релятивности определено изначально, в то время как при *šāhib* оно является неопределённым и может быть определено только с помощью семантики участвующего существительного.

šāhib l-mūnālīzah

«Владелец (арт.)-Мона Лиза»

šāhib maraḍ

«обладатель болезни»

«(неопр.) Больной человек».

Оба слова часто представляют одновременно отношения собственности и отношения притяжательности:

šāhib huluq

«обладатель морали»

«(неопр.) хороший человек»

dū huluq

«с моралью»

«(неопр.) хороший человек».

В обоих примерах речь идет исключительно об отношениях собственности. Brockelmann обозначает это как «квалификацию»

[Brockelmann, 1962: 166–167]. Выражение отношений собственности в обоих примерах, по нашему мнению, отчетливее, чем выражение посессивных отношений, так как существительное *ḥuluq* не может находиться в посессивной зависимости.

Уже отмечалось, что с помощью *'idāfah*-конструкции выражаются не только атрибутивные, но и предикативные конструкции. Это относится и к конструкциям со словами *ṣāhib* и *dū*.

Если эти слова выражают Р'ОР-а и Р'УМ-имя является определенным, то речь идет об атрибутивных данных:

dū l-liḥyah
 «бородатый»
ṣāhib l-liḥyah
 «бородатый».

Если же они выступают в качестве связки между Р'ОР-ом и Р'УМ-ом, то возможны обе конструкции: как атрибутивная, так и предикативная. При определенном имени – Р'ОР-ре и при неопределенном имени – Р'УМ-ме речь идет об атрибутивных *'idāfa* – конструкциях:

ar-raḡulu dū l-liḥyah «(опр.) бородатый мужчина»
raḡulun dū liḥyah «(неопр.) бородатый мужчина».

Напротив, если конструкции предикативные, тогда их следует рассматривать как 3-членные номинативные предложения:

ar-raḡulu dū liḥyah
 «Мужчина-бородатый»
ar-raḡulu ṣāhibu liḥyah
 «Мужчина-бородатый» (обе конструкции означают одно и то же).

Примечательно, что арабский язык знает и другие функциональные слова такого рода: обычно имена с «обратным отношением» такие как *'ab* – «отец», *'um* – «мать», *ṣarīk* – «компаньон» и др.:

abu l-kaḍib
 «Отец (арт.) + обманывать»
 «(неопр.) большой обманщик»
ṣarīkatu l-ḥayah
 «компаньонка арт. + жизнь»
 «супруга (жена)» и т. д. (ср. Reckendorf 1921 §87).

Предлоги, к которым относятся также *li-* и *min*, в арабском могут образовывать большой класс, а именно класс *ḥurūf* «частицы» (*ḥurūf al-ḡarr*). Этот класс охватывает большие группы, различаю-

щиеся по семантико-синтаксической или морфолого-синтаксической роли, которую они могут играть в предложении. Синтаксически *ḥurūf al-ğarr* обладают функцией объединять слова в выражения, которые могут присоединяться к именам или глаголам. Некоторые могут управлять именами, другие образуют более прочные сочетания с глаголом. Имя или местоимение, управляемое частицей, выступает в винительном или родительном падежах, если речь идет о частицах *ḥarf cāmīl*, «способных к управлению». Если же речь идет о частицах «неспособных к управлению» *ḥarf ḥāmīl* или же *muhmal*, то имя выступает в форме именительного падежа. Например: *hatta*, может управлять, как глаголом, так и именем. Все они имеют так называемые «застывшие флексийные формы» (ср. Reckendorf, 1921: 214), то есть являются неизменяемыми.

В арабском языке *ḥurūf al-ğarr* представляют собой группу частиц, которые управляют родительным падежом (Genitiv). Сочетания этих частиц с определением и предлогом часто используется в арабском языке для выражения большого числа семантических отношений, соответствующих: глагольным предложениям, субъектным предложениям, придаточным дополнительным предложениям, а также предложным дополнениям и всем сопровождающим обстоятельствам. Количество семантических отношений, которые обозначает предложное определение – не ограничено.

Для образования субстантивированных прилагательных предложное определение выступает преимущественно в неопределенном виде, и стоит после сказуемого. Оно может быть и заранее определенным, «тем не менее, в современном языке область его применения ограничена поэзией и другими литературными произведениями из-за возвышенного стиля» [Brockelmann, 1979: 174]. В коране и в классических произведениях арабской литературы подтверждается постановка определения с предлогом в препозиции.

2.2. Possessor-имя + релятор (имя прилагательное) + Possessum-имя

В арабском языке в качестве релятора между P'OR-ом и P'UM-ом может находиться имя прилагательное:

P'OR-имя + прилагательное (в конструкции с примыканием) + **P'UM-имя** (род. падеж):

al-bintu ḡamīlatu l-waḡh

«(арт.)- Девушка красивое арт.- лицо»

«(опр.) девушка имеет ein красивое лицо».

P'OR-имя + прилагательное + P'UM-имя-P'OR-посесс-й суффикс:

al-bintu ḡamīlun waḡhuhā

«(арт.)- девушка красивое лицо-её»

«(опр.) девушка имеет (неопр.) красивое лицо».

Сравним оба примера. В арабском языке есть возможность образовать двухчленную посессивную синтагму с помощью идафной конструкции (*'idāfah*), которая состоит из прилагательного или причастия, использованного как имя прилагательное + определенное с помощью артикля существительное и выразить притяжательные отношения в структуре P'OR-P'UM, при этом вся синтагма с идафой (прилагательное + существительное) действует как прилагательное для P'OR-а.

Прилагательное согласуется с существительным в роде и числе. Возможно также, что прилагательное согласуется с существительным в категории, и вся конструкция тогда воспринимается не как номинативное предложение, а как атрибутивная конструкция, где используемые элементы выступают зеркально. Напротив, субъект в номинативном предложении является определенным, а другой элемент – неопределенным:

al-bintu ḡamīlatu l-waḡh

(определение, выраженное прилагательным)

«(опр.) девушка с (опр.) красивым лицом»

al-bintu ḡamīlatu l-waḡh

(номинативное предложение)

«(опр.) девушка имеет (опр.) красивое лицо».

Подобные построения называются обычно «*'idāfah lafʒuyah*» или просто «*'idāfah*»; они часто используются в арабских грамма-

тиках. Европейские арабисты называют этконструкцию «несобственными присоединениями» [Brockelmann, b: 169–170], что является прямым переводом с арабского языка. При обсуждении этого феномена ссылаются на арабскую грамматику Каспари [1866: 294 и след.] и приводит те же самые примеры:

(a) *huwa dāribu zayd*

«Он бьющий Заид»

«Он бьет Заида»

(b) *zaydun ḥasanu l-wağh*

«Заид красивый (арт.)-лицо»

«Заид имеет красивое (неопр.)-лицо».

Брокельманн [Brockelmann, 1982: §171f и 1985: §138] ограничивает «несобственное присоединение» примером (b), как и Фишер [Fischer, 1972: §388].

Нас также интересует модель (b), так как *"ismu l-fācil (dārib)* реализует отношения действия агенса (действующее лицо), также как номинализация, которую с самого начала исключили из сферы посессивности. В современном арабском языке структура (b) используется наиболее часто:

al-mar' atu carabyytu l-malāmiḥ

«Женщина имеет арабские черты лица»

t-ṭiflu dahabyyu š-šacr

«Ребенок светловолосый»

al-waladu šāḥibu l-wağh

«Мальчик имеет бледное лицо».

Посессивные отношения выражены имплицитно, поскольку имя прилагательное (*aṣ-ṣifah*), в качестве связующего фактора между P'OR и P'UM не выражает отношения притяжательности. Здесь имя прилагательное соотносится только с P'UM-ом, описывает его и не относится к P'OR-у.

И, тем не менее, из этого словосочетания ясно, что привлекаемые черты лица женщине принадлежат, светлые волосы – ребенку. Функция, которую выполняет имя прилагательное в этой структуре относительно выражения принадлежности – сравнима с функцией глагола в немецкой конструкции с дательным падежом. Соединительному звену в обеих структурах (в немецком – глагол, в арабском – имя прилагательное) приходится выполнять синтаксическую роль, а именно: создавать из участников, существительных и местоимения, завершённую конструкцию.

Семантическая роль, которую выполняют глагол и имя прилагательное, благодаря своим лексическим значениям (глагол выражает действие, которое обусловлено Р'УМ-ом – «рука болит» или оно направлено на Р'УМ – «он разбил ему вазу»; имя прилагательное описывает Р'УМ), не имеет ничего общего с семантическим отношением между Р'ОР-ом и Р'УМ-ом. Они различаются функционально-синтаксически: глагол в немецком языке (например) выражает предикатные отношения, в то время как в арабском – прилагательное находится вне сферы предиката.

В посессивных синтагмах, содержащих «несобственное присоединение», определительная часть (часть с именем прилагательным) образует предикат (сказуемое) с родительным падежом. В этом случае Р'УМ становится предикатом. Эти семантические отношения и подчеркивают арабские грамматисты. Они выделяют модель [Diem, 1986: 250], в которой имя прилагательное семантически однозначно соотносится с Р'УМ-ом:

zaydun ḥasanu l-waġh

«Заид имеет красивое (неопр.) лицо».

В арабской литературе не возникает вопрос, какие необходимы обстоятельства, чтобы из существительного и относящегося к нему прилагательного могла быть образована конструкция с предикативом, которая в свою очередь присоединят следующее имя. Относительно этого Дим В. придерживается мнения: «Референт имени, принимающего форму род. падежа (генитива), выступает в качестве Р'УМ-ма в отношении неотчуждаемости к референту имени, которое с помощью формального примыкания должно стать частью предиката» [там же: 250]. Самого же Р'ОР-ра ограничения не касаются, он может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Однако отношения, подтверждающиеся примерами, которые приводит автор, не ограничиваются неотчуждаемой посессивностью [Diem, 1986: 251]. Они включают также отношения:

– часть – целое

ḥasanu l-waġh

«имеет красивое лицо»

– отношения родства

cirāqiyu l-'umm

«он родственник со стороны матери из Ирака»

– отношения собственности и состояние (здоровья и т. д.)

šadīdu 't-ṭarā', kaṭīru l-māl,

«есть очень богатый»

– отношения обладателя (носителя)

ġamīlu 't-tawb

«(неопр.) прекрасная (неопр.) одежда».

Сюда же относятся и другие средства такие, как – *māl* «состояние» und *dār* «дом». Отношения обладания автор интерпретирует как неотчуждаемые и имеющиеся в наличии у P'OR-а и, таким образом, являющиеся его частью. Точно также рассматриваются конкретные отношения обладателя и в следующем примере, только здесь они относятся к домовому хозяйству:

Macmīru 'd-dār

«имеет процветающее домашнее хозяйство».

И, тем не менее, такие отношения все еще необходимо отличать от отношения неотчуждаемости. Неотчуждаемые отношения – часть – целое образуют ядро сферы формального примыкания, что и установил Дим; и все-таки оно не является единственным предметом такой конструкции. Отношения с одеждой можно рассматривать как особые притяжательные отношения, но не как отношения часть-целое, хотя бы и в переносном смысле, как считает Дим. Вполне возможно, как показывают приведенные примеры, выражать отношения отчуждаемости «в собственном смысле», а не только «в переносном». Фактически, определенные способы выражения в арабском, большей частью должны включать выражение неотчуждаемости, как например, формальное примыкание, а другие способы выражения должны быть исключены из сферы неотчуждаемости; к этому можно привести примеры, что неотчуждаемость в арабском языке маркируется формально. И если синтагма состоит из имени прилагательного и существительного, арабский язык имеет в распоряжении другую посессивную синтагму в виде подчинения P'OR-ра-P'UM-му, а именно в форме, так называемого «косвенного определения» (Эту структуру Reckendorf, Brockelmann и Fischer рассматривают как препозицию предикативного имени прилагательного относительного придаточного предложения в форме номинального предложения):

'ar-raġulu l-ladī waġhuhu ḥasan ---> raġulun ḥasanun waġhuhu.

При этом они говорят об относительном придаточном предложении с притяжением (ср. Reckendorf 1921 § 203, Brockelmann 1982 §150 и Fischer 1972 § 430).

Прилагательное-предикат определительного придаточного предложения выступает как специальное определение управляющего слова (P'OR) и согласуется с ним только в падеже и определенности, одновременно в роде и числе с именем существительным (P'UM) относительного придаточного предложения [Reckendorf: §206].

baqaratun safrā' fāqicun lawnuhā (Kuran: *al-baqarah*,

«Буро-жёлтая корова, чья масть является однородной») [там же: §203].

Определительное прилагательное, которое в арабском стоит обычно после определяемого, в этом случае предшествует ему. В отличие от формального примыкания (см. Гранде, 1998: 331) прилагательное согласуется здесь с именем P'UM-ма вместо P'OR-ра. Все определение выступает здесь как прилагательное для P'OR-ра, так же как при формальном примыкании. В отличие от него косвенное определение может выражать различные синтаксические отношения. Правда, оба пересекаются в нескольких областях [Diem, 1986:254]. В дальнейшем обе конструкции противопоставляются:

ḥabībah dahabyuatu _ š-šacr

«Хабиба светлый-ж. р. флекс. ART.-волосы»

ḥabībah dahabiyun šacruhā

«Хабиба светлый ART.-волосы-P'OR-суффикс»

Оба компонента находятся в приведенных примерах в синтаксических отношениях – субъект-предикат. Семантически второй компонент выступает как P'UM от P'OR-ра, при этом в большинстве случаев речь идет об отношениях неотторжимой принадлежности. Различия состоят в том, что определение при формальном примыкании согласуется с P'OR-ом в роде, числе, падеже и определенности, т.е. во всех синтаксических отношениях, и напротив, при косвенном определении согласуется с P'OR-ом только в падеже и в значении определенности, а с P'UM-именем в числе и роде. Притяжательные отношения между P'OR-ом и P'UM-ом при формальном примыкании выражаются имплицитно, а при косвенном определении выражаются эксплицитно с помощью посессивного суффикса, присоединяемому к P'UM-имени. Посессивная синтагма в форме косвенного определения действует, как определение, как и предикат и аккузатив состояния; они могут субстанти-

вироваться и перенимать на себя синтаксическую позицию существительного [Djem, 1986: 256], то есть также как формальное примыкание. Исследуемая здесь конструкция может выступать как атрибутивный способ выражения притяжательности, а именно с помощью определенности P'OR-имени и имени прилагательного:

al-bintu l- ġamīlu waġhuhā

«(опр.) девушка с опр. красивым лицом».

Примечательно, что три члена конструкции с формальным примыканием согласуются с помощью определенных артиклей, что невозможно с P'UM-именем, а именно из-за посессивного суффикса, присоединенного к нему, при этом P'UM-имя находится в конструкции «примыкания» (*status constructus*) и не может получать артикль вовсе.

Таким образом, кроме уже известных средств выражения притяжательности, в арабском языке в качестве средств ее выражения могут применяться реляционные имена – имена-реляторы, такие как: *dū* или *šāhib*, использующиеся чаще всего в притяжательных конструкциях.

Существует несколько типов подобных конструкций, строящихся по модели «**Possessor** – имя существительное + релятор + **Possessum** – имя существительное». Форма конструкции «**Possessum** – **Possessor**» может охватывать всю сферу выражения род. падежа, в то время как обратная форма «**Possessor** – **Possessum**» ограничена только определенными сочетаниями родительного падежа.

Имя-релятор *šāhib* используется чаще, чем *dū*, потому что *šāhib* может выступать в значении «владелец». И напротив, *dū* используется чаще для выражения каких-либо свойств, чем посессивных отношений. Имя-релятор *dū* не является P'OR-ом, а лишь устанавливает посессивное отношение между P'OR-ом и P'UM-ом, исполняя обязанности показателя генитива. Оно может относиться как к одушевленному, так и к неодушевленному P'OR-у, и этим, прежде всего, отличается от слова *šāhib*. *dū* в большей степени выражает свойства, которые относятся к «неотчуждаемому» содержанию.

В сочетаниях, выражающих отношения родства и частей тела и относящихся к «сфере отчуждаемости», *dū* используется в тех случаях, когда речь идет о наличии определенных свойств. *Šāhib* в значении «спутник» является существительным и образует с последу-

ющим генитивом большей частью определенное генитивное сочетание. Он (*šāhib*) является посредником между P'OR-ом и P'UM-ом и одновременно может выступать как P'OR. В этом случае *šāhib* выступает как связка и выполняет функцию приложения. Взаимосвязь, которую поддерживает *šāhib* с P'UM-ом, является очень неопределённой и разнородной. Преимущественно речь идет об отношениях отчуждаемости, хотя возможна и связь имени *šāhib* с абстрактным значением; здесь оно пересекается со значением *dū*. Общим для них является то, что для выражения релятивных отношений они могут использоваться и синтаксически, и семантически. Синтаксически они применяются для выражения P'OR-а и P'UM-а одинаковым способом или выступают сами в роли P'OR-а. Семантически оба слова несут лексическое значение посессивности. При *dū* семантическое отношение релятивности определено изначально, в то время как при *šāhib* оно является неопределённым и может быть определено только с помощью семантики участвующего существительного.

Оба слова часто представляют одновременно отношения собственности и отношения притяжательности.

В арабском языке двухчленная посессивная идафная конструкция (*'idāfah*) может состоять из прилагательного или причастия, использованного как прилагательное + определенное с помощью артикля существительное и выражать притяжательные отношения в структуре P'OR-P'UM, при этом вся синтагма с идафой (прилагательное + существительное) действует как прилагательное для P'OR.

Посессивные отношения в этом случае выражаются имплицитно, поскольку имя прилагательное (*aṣ-ṣifah*), в качестве связующего фактора между P'OR-ом и P'UM-ом не выражает отношения притяжательности.

В посессивных синтагмах, содержащих «формальное примыкание», определительная часть (часть с именем прилагательным) образует предикат (сказуемое) с генитивом. В этом случае P'UM становится предикатом с помощью имени прилагательного.

2.3. Possessor-существительное + Relator (наречие) + Possessum-существительное

Арабские грамматисты называют существительное в винительном падеже, относящееся ко времени или месту события *zarf* (также называемое *al-mafcūl fīh*). *Zarf* представляет собой «*asmā az-zamān az-zahirah* и «*smā l-makān az-zahirah*» (наречия времени и места), «которые можно разделить на *tubhamah*, т.е. неконкретизированные и *muhtaṣṣax* конкретизированные (ср. Хасан, 1968: 239 и Ибн Хишам, 1965/1: 230–237 цитируются по Fischer 1972)». К неконкретизированным наречиям относятся также *asmā hamidah* (непроизводные существительные); Фишер называет их основными существительными [Fischer, 1972: 41], и *asmā muštaqqah* (производные существительные), к ним относятся также *cinda*, *lada* и *tasa*.

Непроизводные не конкретизированные наречия морфологически неизменяемы, но ими можно управлять с помощью частиц, выражающих родительный падеж. В этом случае в грамматиках они рассматриваются не как наречия, а как имена, управляемые родительным падежом.

al-zurūf (наречия в положении примыкания) образуют «*idāfah*-конструкции, которые, согласно классическому арабскому представлению, объединяются под общим термином *šibh l-ḡumlah* «подобный предложению» (ср. Ибн Хишам, 1965/2, II: 433 – цитируется по Fischer 1972). Здесь также речь идет об «*idāfah-zarfyuah* «идафных присоединениях с наречием».

Наречия *cinda* и *lada*

Для выражения посессивности в арабском языке часто используются притяжательные наречия *cinda* и *lada*, которые частично различаются по синтаксическим функциям. *Cinda* может использоваться так же, как и предлог *li* – в трех различных структурах, с той лишь разницей, что структура с P'UM используемая с *cinda* в начале сочетания, не имеет значения притяжательности, она лишь указывает на локативные отношения:

P'OR-субъект + [*cinda*-P'OR-притяжательный суффикс + P'UM-предикат] – предикат [*cinda*-P'OR] – предикат (предшествующий) + P'UM-субъект (следующий за субъектом).

Согласно арабским грамматистам, *cinda* – это тот же *zarf* с коннотацией *ḥudūr* (присутствие, бытие) или *qurb* (близость) [Shbouf, 1983: 37]. *Cinda* часто используется для выражения локального значения, но оно может использоваться и для выражения временных и притяжательных отношений, а также в других случаях [там же: 37–38]:

cinda l-bāb

«у двери»

cinda l-ḡurūb

«При заходе солнца»

cinda l-wilādah

«при рождении»

cinda l-ḥadīṭ

«при разговоре» и т. д.

cinda также может быть использован в значении «по мнению о..., с точки зрения...»:

ḥada ḡayru maqbūlin cindahā

«Это неприемлемо для нее».

Во всех сочетаниях, представленных выше, *cinda* выступает как часть конструкции с *‘idāfah* [там же: 38]. О конструкциях с *cinda*, а также с *lada* арабские лингвисты говорят как о *'al-ḡumlah az-zarfyyah* или *al-dāfah az-zarfyyah* соответственно, поскольку они, бесспорно, считаются наречиями.

Чтобы притяжательное отношение было более наглядным, оно должно быть выражено в определенном синтаксическом контексте: в именном предложении, где Р'УМ появляется неопределенным, и в качестве субъекта он должен стоять после Р'ОР-а. Если Р'УМ как субъект занимает предшествующее положение, то речь идет о локативном значении (наречие места):

Al-ḡitābu cinda ‘aḥmad

«книга у Ахмада»

'Aḥmadu cindahu ḡitāb

«Ахмед, владеет книгой (книга у Ахмада)».

Описание синтаксического окружения имеет здесь большое значение, так же как и с наречием *lada*. При других условиях эти наречия выражают только локальные отношения. В случае выражения притяжательности все слова, с которых можно начать именное предложение, могут предшествовать *cinda*, а также предлогу *li* :

laysa cindī mā ‘usācidaka bih

«У меня нет ничего, чем я могу тебе помочь».

Cinda, как пишет лингвист Ибн Дюрайд, имеет такое же значение как «*mulk*» и «*zarfuuah*». Для «*mulk*» он приводит следующий пример [Ибн Dugaüd цитируются по Schboul, 1983: 43]:

cinda fulānin māl,

«Х имеет деньги»

а для «*zarfuuah*» – другой:

lī cinda fulānin māl [там же: 42]

«Мои деньги у Х».

По этим двум примерам можно прийти к выводу, что, по мнению Ибн Дюрайда, «*mulk*» подчеркивает притяжательное отношение, в то время как «*zarfuuah*» выводит на первый план отношения локативные.

В качестве выражения средства притяжательности *cinda* в основном выражает отношение вещей – «есть / имеется где-либо». Следует сказать, что наречие *cinda* может быть использовано для выражения многих других притяжательных отношений [Schboul, 1983: 42 и следующие].

В большинстве случаев речь идет о том, чтобы «нечто» иметь в определенном месте, хотя и не совсем ясно, является ли это одновременно отношением собственности или нет. Только когда речь идет о деньгах, домах и т. д., отношение обладания / владения выражается достаточно ясно, т. е. когда семантика NP, обозначенного P'UM, имеет признак – собственность.

Cinda может входить в состав сочетаний с абстрактными P'UM-именами, например: предложения, вопросы, ответы, решение проблемы, объяснение и т. д.:

cindī su 'āl lā 'ağidu lahu ġawāb

«У меня есть вопрос, на который я не могу найти ответ».

Если же речь идет о том, что у кого-то, например, возникли какие-либо проблемы или у него какая-то болезнь, то *cinda* может использоваться не только в письменной речи, но часто и в разговорной и прежде всего в арабском языке Египта. Например:

cindī sudāc

«Я имею головные боли»

«У меня болит голова».

В других арабских странах, например в Сирии, для этого используются кроме *cinda* еще *taca*.

В целом для наречия *cinda* (отчасти также для предлога *li*) характерно очень частое использование в разговорном языке, в то

время как *lada*, почти всегда встречается только в письменной речи. Следует также отметить, что *cinda* в основном не используется в высоком стиле. В письменной речи вместо *cinda* предпочтительнее формы с наречием, как:

yaškū min wağaci l-‘asnān [mahfūz цитируется по Shboul, 1983: 42]

«Он страдает от зубной боли»

yudāwī ra’sa man yaškū ‘s-sudāc

«лечит головную боль»

[*cantaras* – цитируется по Shboul, 1983: 42].

В применении наречия *lada* есть некоторые особенности; при его использовании применяются следующие структуры:

P’OR-субъект + [lada-P’OR-притяжательный суффикс + P’UM-предикат] – предикат [**lada-P’OR**] – предикат (предшествующий) + **PUM-субъект** (последующий / следующий за).

Арабскими грамматистами *lada* рассматривается так же как и *zarf*. Кроме того, Шбул указывает на тесные отношения между *lada* и *ladun*, что в современном арабском языке, практически не встречается. «*lada is directly related to ladun, [...] where an adjectival nisba is derived from it, thus al-cilm l-laduni*». – «Наречие *lada* имеет прямое отношение к наречию *ladun*, [...] когда от него образуется прилагательное *nisba*» [Shboul, 1983: 39]. Их значения и применение очень похожи на подобные значения у *cinda*, но большинство грамматистов считает, что диапазон значения и сфера использования у *cinda* шире. В большинстве случаев эти два наречия могут взаимозаменяться, но не во всех случаях. *Lada* выражает больше «присутствие, расположение», «близость» или «притяжательность» чаще по отношению к абстрактным объектам, а не к конкретным [Shboul, 1983:39]. Правда, в Коране *lada* появляется в связи с конкретными объектами (и локальными, так же как и *cinda*):

wa- ‘alfayā sayyidahā lada l-bāb [Wright, 1967: 25].

Чаще всего это происходит в сочетании с абстрактными объектами. В том же синтаксическом контексте, где употреблено *cinda*, *lada* используется с одинаковыми вариационными возможностями. Так же, как и *cinda*, оно не выражает притяжательных отношений, когда P’UM – имя появляется как предшествующий субъекту или когда он является определенным. Здесь также, все частицы могут стоять перед *lada*, с чего можно начать именное предложение (NS).

В Коране можно найти подобное: *wa - calamnahu min ladunna cilma*. Следующие примеры, взятые из современной литературы,

демонстрируют притяжательные отношения, которые могут быть выражены с помощью наречия *lada*:

lam yakun ladaynā šay' un yuḍkar

«У нас не имелось ничего значительного, мы были очень бедны»

kāna ladayhi mā yašgaluhu ḥaqā

«У него было нечто, чем он был занят»

laysa ladayhā mā ta 'kuluh

«Она не имела ничего поесть»

ladyya šay' un kaṭīr 'aqūluh

«У меня есть многое, что я хочу сказать»

ladyya mufāḡā 'h

«У меня есть сюрприз»

'a-ladaykī 'ayyu ḡarīdah?

«У тебя есть какая-нибудь газета?»

lā waqta ladaynā li-tafkīr

«У нас нет времени на размышления» [там же: 40].

Лингвисты считают, что *lada* относится к высокому стилю и поэтому используется только в письменной речи, чем она и отличается в первую очередь от *cinda*. *Lada* используется в современном арабском письме очень часто: в литературе, в газетах и в официальных документах:

ladayhi ḥibrah

«имеет опыт» (из объявления в газете, как условие для вакансий)

ladaynā šuqaq li-l- 'iḡār

«У нас имеются квартиры для сдачи в аренду».

«*lada*, по-видимому, имеет более широкий диапазон применения, чем *cinda*, и оно имеет определенную коннотацию с *tasa*» [Shbaul, 1983: 43].

Наречие *maca*

Как уже упоминалось, арабские классические грамматисты не согласны с категорией *maca*. Оно может рассматриваться и как *zarf* и как *ḥarf ḡarr*.

Арабские грамматики указывают не на притяжательное значение *maca*, а на значения сопровождения – «в сочетании с..., или вместе с...; в одно и то же время...».

При этом указывается на его использование в качестве наречного определения с *Nunation macan* (вместе, в то же время). Значения *maca* также передаются с помощью значения времени: через какое-то время.

С помощью наречия *maca* выражается скорее значение сопровождения и совместности, а не притяжательность. Тем не менее, *maca* следует использовать здесь, так как отношение «это иметь при себе», содержащееся в его значении, часто указывает на возможность одновременных притяжательных отношений, а также на некое значение «располагать чем-либо», даже если в некоторых случаях оно является временным:

macī nuqūdun kaṭīrah

«У меня есть много денег (со мной)»

macī ṭacāmun kaṭīr

«У меня есть много еды (со мной)».

Наиболее распространенной синтаксической формой, в «которой выступает *maca*, является номинальное предложение». (‘Ibn Hišām, *muḡnī* II 420-1 – цитируется по Fischer 1972), то есть чаще, чем в атрибутивных контекстах, таких как *maca šurūq š-šams* (с восходом солнца), где нет отношения «иметь при себе», а на первый план выступает значение времени.

В отличие от предлога *li-*, и так же, как *cinda* и *lada*, *maca* не может выражать притяжательные отношения в трех из всех возможных синтаксических структур. Если Р’УМ имя (существительное) появляется в начале конструкции, то речь идет о значении места:

al-kitābu maca ’aḥī

«Книга с моим братом (у него)».

В классической арабской литературе можно найти несколько доказательств, в которых *maca* выражает эти отношения, и некоторые из них есть и в Коране:

muṣaddiqan li-mā macakum

«подтверждающие, что у вас есть что-то с собой».

В современном арабском языке так уже не говорят и не пишут. Там *maca* очень часто используется для выражения отношения обладания (У меня есть / со мной / с собой):

macī hadāyā kaṭīrah

«У меня есть много подарков (со мной)»

aš-šāhidu haḍara wamacahu dalīl

«Свидетель пришел и имеет с собой доказательство (у него при себе)».

В некоторых контекстах возможна взаимозамена *lī* -и *maca*, и именно по причинам поэтическим, когда речь идет, например, о «рифме» в стихах.

Tacālibī (цитируется по Shboul, 1983: 37) считает, что *maca* лучше подошло бы в следующем стихе, то есть оно выражает имеющееся в виду притяжательное содержание более четко, чем *li*:

haraġnā lam našid šay'ā

wa-mā kāna lanā 'aflat

«Мы ушли, мы ничего не поймали, и то, что было с нами, бежало».

Ясное представление о смысловой разнице между *cinda* и *maca* Шбаул пытается показать, справедливо отмечая разницу между «владелец магазина» и «у него в этом магазине есть свой товар», где необходимо употребить *maca*. Здесь следует отметить, что оба наречия (*cinda* и *maca*) часто встречаются как в письменной, так и в устной речи.

Рассмотренные выше средства, и прежде всего предлог *li*, а также наречия *cinda* и *maca*, очень часто используются в качестве средств выражения притяжательности. Конструкции с ними пронизывают всю сферу выражения категории притяжательности в арабском языке. Чтобы их использование при выражении притяжательных отношений выразить более точно, попытаемся в дальнейшем раскрыть семантические сходства и различия между ними.

При выражении категории посессивности в арабском языке и предлог *li* – и наречия *maca*, *cinda* и *lada* имеют большое значение, не смотря на их сходство и различия.

В следующем примере Shboul [Shboul, 1983:40 и след.] показывает семантические различия между *li*, *cinda*, *lada* и *maca*:

(1) *lī kitāb*, (2) *macī kitāb*, (3) *cindī kitāb*, (4) *ladyya kitāb*

Все эти фразы можно перевести как «У меня есть книга».

В первом примере на передний план выходит утверждение, что «у меня есть книга», не сообщается о том, где эта книга; во втором примере *macī kitāb* сигнализирует о «существовании книги у меня», как нечто «временное», например, у меня в кармане. Возможно, что эта книга мне вообще не принадлежит, это может быть уточнено последующим контекстом. Например, *macī kitābu 'ahī* «книга моего брата у меня» или *macī risālatun lak* «у меня есть письмо для вас».

В третьем примере подразумевается, что «книга находится у меня, в моем доме, в моей библиотеке» и т. д., и пока других пояснений не будет, остается неясным, принадлежит ли эта книга мне или нет. Например: *cindī kitābun istacartuhu min l-maktabah* «у меня есть книга, которую я взял в библиотеке».

Четвертый пример также утверждает, что «книга у меня», подразумевается также отношение владения, и это может быть пояснено последующим контекстом, как в случае с *cinda*, что «я не владелец этой книги»:

ladayya kitābun istacartuhu min l-maktabah

«У меня есть книга, которую я взял из библиотеки».

Таким образом, отношение владения наиболее четко передается конструкцией с предлогом *li*. Три наречия *cinda*, *lada* и *maca* имеют между собой то общее, что они сообщают о наличии Р'УМ-а у Р'ОР-а или обладании Р'ОР-м Р'УМ-а, не делая отношения владения условием (там же). В этом пункте можно не согласиться с Shboul, если в качестве Р'УМ используются другие имена существительные, такие как квартира, дом, замок и т. д. Здесь ясно, что они принадлежат Р'ОР-у, однако выражение отношения в этих случаях с *maca* невозможно.

Шбаул ограничивает использование этих наречий указанием на притяжательные отношения человека, то есть он считает, что ни одно из этих наречий не используется для выражения притяжательных отношений, касающихся животных или растений. Автор объясняет это тем, что притяжательные отношения, не затрагивающие человека, чаще всего относятся к неотчуждаемым, составным частям, неотъемлемым свойствам или к предметам, которые с ними связаны, но не рассматриваются как обладание ими. Таким образом, наречия *lada*, *cinda* и *maca* в сочетании с существительными, обозначающими животных и растения, должны выражать всего

лишь сопровождение (может быть и их наличие). Исключение составляют ситуации, в которых животные выступают как люди, как в устной, так и в письменной речи.

«Это может быть правдой и в классическом, и в современном арабском литературном и разговорном языке» [Sboul, 1983: 44].

Во-первых, здесь следует различать отчуждаемую и неотчуждаемую принадлежность, т. е. это ограничение переносится, по нашему мнению, на материальное владение, но не части тела или на родственные отношения. Например:

qīṭatunā lahā talāṭatu ṣiġār

«наша кошка имеет трех «малышей».

Во-вторых, в отношении этого пункта следует различать между *lada* и *maca* с одной стороны, и *li-* и *cinda* с другой, так как первые (*lada* и *maca*) имеют большее отношение к человеку, чем вторые (*li-* и *cinda*).

Здесь необходимо еще раз указать на то, что посредством *cinda*, *lada* и *maca* автоматически вместе с притяжательными отношениями выражаются и локативные, т. е. одновременно указывается место, где находится Р`УМ. Можно даже сказать, что здесь имеет место локализация (определяется положение) Р`УМ-а. Различие в использовании данных локализации, выражается не лексически, а объясняется с помощью контекста. И только предлог *li-* точно указывает, что нечто кому-либо предназначается, в то время как другие – *cinda*, *lada* и *maca* выражают как притяжательные, так и локативные отношения. Эти функции наречий (*cinda*, *lada* и *maca*) отличаются от функций предлога *li-* еще и тем, что оставляют притяжательные отношения и прежде всего вопрос обладания (это в первую очередь *maca*, которое в наибольшей степени ослабляет позиции обладания) открытым, предлог *li-* напротив, ясно выражается по этому поводу. Следует также обратить внимание на то, что как в письменной, так и в устной речи не существует четкой границы между этими наречиями, и что только одно-единственное наречие из них может использоваться для выражения притяжательных отношений. Следующий пример из языка арабов Иордании:

cindī fī dārī mizmār

cindī fī ġaybī dīnār

cindī fī ra'sī 'afkār

«В моем доме имею я флейту»

«В моем кармане имею я деньги»

«В моей голове имею я идеи».

Если быть точнее, то в первой строке будет *cindī*, во второй *macī* и в третьей *lī*. Повторение того же самого наречия в начале каждой строки обусловлено во-первых ритмом и во-вторых это сделано для облегчения понимания детям, чтобы они смогли быстрее их понять и запомнить.

Общее в этих конструкциях то, что их нельзя сочетать с обозначениями родства (за исключением функции «сопровождения», где используется *masa*, которое допускает все обозначения родства, но только как «сопровождающее», а не как принадлежащее). Иначе говоря, эти наречия не могут выражать неотчуждаемые притяжательные отношения. В этом проявляется формальное различие в арабском языке между отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежностью. Это второе формальное отличие неотчуждаемой принадлежности в арабском языке; оно как раз иллюстрируется использованием слов *dū* и *ṣāhib*.

Отношения неотчуждаемой принадлежности невозможно выразить с помощью именного предложения и этих наречий, а только в сочетании их с отношениями собственности:

(1) *lahu 'abun marīd*

«Он имеет больного отца»

Напротив:

(2) *lahu talātatu 'atfāl*

«Он имеет трех детей»

(3) *cindahu 'arbacatu 'ihwah*

«Он имеет четырех братьев».

Это можно объяснить тем, что для человека родители являются неотъемлемой частью (собственностью), а братья и дети – нет.

В сочетании с элементами одежды эти наречия встречаются в том случае, если здесь реализуются отношения обладания этими объектами (элементами), и если речь идет не только о ношении одежды. В этих случаях используются такие глаголы, как *labisa* «надевает», или специальная частица *cala* в определенной синтаксической структуре:

kāna lahu qamīs

«Ему принадлежит рубашка»

kāna masahu qamīs

«С ним была (одна) рубашка»

kāna cindahu qamīs

«У него была (одна) рубашка», «он владелец рубашки или она у него дома»

kāna ladayhi qamīs

«При нем была рубашка, она на нем или у него дома».

kāna calayhi qamīs

«Он надел рубашку» [Shboul, 1983: 44].

В связи с этим Шбаул видит различия между предлогом *li*- и наречиями в том, что предлог *li* выражает все притяжательные отношения, в том числе и неотчуждаемые, наречия же могут выражать только отчуждаемые отношения.

При этом необходимо пояснить оба утверждения.

Первое: относительно сочетания *li* с обозначениями родства (родственных отношений), следует отметить; как первый и так второй примеры показывают, что это возможно только при необязательном употреблении родства, в то время как при обязательном предполагается описание подробностей, т.е., например, (опр.) отец болен.

Второе: следует указать на то, что это вполне возможно, и сочетания с *cinda u lada* с обозначениями родства выражают притяжательные отношения, что подтверждено примерами, при этом *cinda* и *lada* могут выражать притяжательные отношения, как с обязательными, так и с необязательными обозначениями родства. Тезис Шбаула действует лишь в тех случаях, когда речь идет о друзьях, гостях и т. д. В этих случаях *li* выражает притяжательность, в то время как наречия показывают: кого-то иметь в качестве гостя, с кем-то быть вместе. Подводя итоги, можно сказать, что, тем не менее, границы использования этих наречий существуют; есть притяжательные отношения, которые они не могут выражать как определенные неотторжимые и отношения обладателя, другие, которые могут быть выражены с помощью единственного слова: того или другого, но не всеми. При некоторых отношениях они могут взаимозаменяться и без особых семантических различий.

2.4. Выражение притяжательности с помощью наречия и предикации. Глаголы обладания в арабском языке

Вначале рассмотрим выражение притяжательности в арабском языке с помощью наречий и глаголов; под этим понимаются все конструкции, содержащие глаголы. В этом и есть отличие от арабских грамматистов, которые говорили только о глагольных конструкциях (VS), когда глагол находится в начале предложения. Если использование атрибутивной конструкции предполагает предшествующее построение посессивных отношений, то предикативная и, прежде всего, обстоятельственная конструкция выражает посессивные отношения эксплицитно. Это не подходит для глаголов (типа *haben* «иметь»), посессивные конструкции с которыми, как например, было показано ранее, выражают притяжательность имплицитно. Напротив, у глаголов обладания, имеющих лексическое и большей частью однозначное посессивное значение, выражение притяжательности оспаривается.

Если рассматривается выражение притяжательных отношений с помощью наречий в языках, имеющих в своем распоряжении притяжательный глагол, то соответствующие этому латинский, немецкий, английский и другие языки, которые могут выражать притяжательные отношения между двумя референтами, выделяются особенно высокой степенью экспликации.

Арабский язык в этом случае мог бы служить типичным примером. Выражение посессивности с помощью наречий осуществляется здесь глаголами, обладающими лексическим притяжательным значением и выражающими посессивные отношения однозначно. О пересечении с другими семантическими отношениями, как например, в немецком языке (глагол *haben*) здесь нет и речи. Четкость выражения притяжательных отношений глаголами обладания в арабском языке есть причина того, что эти глаголы не используются для других целей.

Рассмотрим некоторые признаки, с помощью которых глаголы обладания выделяются в арабском языке. Большинство глаголов обладания в арабском могут реализовывать оба управления (*A - P'OR* от *B* и *B - P'UM* от *A*), но обычно реализуется только одно. Другое управление глагол может выполнять лишь в том случае, когда к нему добавляется личный суффикс, который относится к имени существительному, стоящему в начале:

'aḥmad jamluk bayt

«Ахмед владеет домом»

al-baytu jamlukuhu 'aḥmad

«домом владеющий Ахмед».

К такому типу глаголов относятся глаголы *malaka* и *ḥaṣṣa*. Количество глаголов обладания, реализующих только одно управление, гораздо меньше и, в качестве примеров они представлены глаголами *'intama 'ila*, выражающими притяжательные отношения только в форме "B – P'UM от A". К этим глаголам относится еще одна группа глаголов, связанных с категорией посессивности: глаголы, показывающие изменение посессивных отношений, которые и в европейских языках (например, в немецком языке) имеют такое же значение. Все эти глаголы со значением обладания, а также выражающие изменение значения обладания, являются переходными (*afcāl mutacaddiyah*), двухвалентными *malaka*, *ḥaṣṣa* и *'intama 'ila*, хотя есть и трехвалентные (как упомянутые выше глаголы обладания). Эти переходные глаголы управляют одним членом предложения (*mafṣūl bih*), на который направлено действие субъекта. Этот падеж в последующем определяется как винительный и, следуя Фишеру, *almafṣūl bih* воспринимается как прямой аккузатив [Fischer, 1972: 17].

Некоторые из таких глаголов, например *mutacaddyah bi-nafsihā* принимают прямой объект (в вин. падеже) как *malaka*. Другие – *mutacaddyah bi-ḡayrihā*, требуют предложных дополнений, как например, *'intama 'ila*. Глаголы изменения значения обладания имеют два объекта (дополнения) в аккузативе.

Для всех этих структур действует правило, что глагол может находиться на первом месте. У большинства арабских грамматистов глагольное предложение – это предложение, начинающееся с глагола.

Глагол в арабском языке обычно состоит из трех согласных, которые называются «радикальными». Эти «радикальные» согласные образуют корень глагольной формы. В арабском языке есть и другие глаголы с двумя или тремя согласными, но большая часть глаголов являются «радикальными» [Fischer, 1972: 86 и след.]. Радикальные согласные определяют не только основную форму глагола, но и его значение. Удвоение согласных, изменение гласных и префиксация или инфиксация внутри основной формы или основы часто сильно изменяет ее значение.

Парадигма *facala* является простейшей глагольной формой, без каких-либо морфологических дополнений. Глаголы, которые могут отказаться от нескольких согласных, не изменяя при этом своего значения, рассматриваются как *mazīd*-формы. В противовес этому *muḡarad*-формы отличаются тем, что все они вынуждены сохранять согласные полностью, чтобы вообще иметь смысл. Падежом подлежащего в арабском языке является именительный падеж (номинатив), формальный признак его – краткое *u*.

Рассмотрим теперь несколько моделей, в состав которых входит глагол, например:

Possessor-субъект + глагол + **Possessum**-объект

Possessum-субъект + **Possessor**-объект

Обратимся теперь к глаголу *malaka*.

Несмотря на то, что в арабском языке нет глаголов подобных «иметь» (как *haben* в немецком), «быть / есть» (*be* в английском), тем не менее здесь есть глаголы, которые также используются для выражения посессивных отношений. Одним из таких глаголов и является глагол *malaka*, имеющий простейшую форму, а именно *facala*, состоит, таким образом, из трех радикальных согласных. Он имеет значения «обладать» и «иметь», кроме того относится к глаголам изменения значения обладания (глагол *malaka* имеет значение «овладеть»). Сюда же относятся непосессивные значения, такие как: овладеть, править (страной), быть в состоянии, быть способным.

malakahu l-ḡayz

«овладел им (арт.) гнев»

«Гнев овладел им»

malaka calyhi ḡamīca mašācīriḥ

«овладеть на него все чувства быть»

«Полностью овладеть помыслами и стремлениями»

lam yamluk 'an

«Он не мог иначе, он должен был»

[Krahl, Gharieb, 1984: 1221]

От глагола *malaka* могут быть образованы другие глаголы, с помощью приставок и суффиксов, также с посессивным значением:

– *mallaka* «стать владельцем, передать владение, сделать королём».

– *'imtalaka* – почти с таким же значением: «иметь; владеть; приобретать, получать; присваивать; владеть, овладевать».

– *istamlaka* – «завладевать, овладевать; вступить во владение».

- или частично модифицированные, только с помощью приставок:
- *tamalaka* «приобретать, вступить во владение, стать королем».

От *malaka* и других производных слов могут быть образованы существительные, которые используются в качестве притяжательных существительных в различных конструкциях, как например:

milk, 'amlāk «владение», *mulk* «господство, верховная власть, власть, суверенитет, королевство, монархия, право собственности», *imtilāk* «Владение или господство»;

'*istimlāk* в значении «завладение», а также прилагательное *malakī* 'королевский' [Krahl, Gharieb, 1984: 724–25].

Морфо-синтаксический статус этого глагола в арабской грамматике оспаривается. Он рассматривается как непереходный глагол (*fi'l mutacaddī bi-nafsih*), и принимает *maf'ūl bih*.

Теперь перейдем к притяжательным отношениям, которые могут быть выражены с помощью этого глагола.

malaka – двухвалентный глагол. Обладая лексическим посессивным значением, он обычно реализует посессивные отношения в структуре P'OR-P'UM, т. е. в направлении сопоставления «А это P'OR от В». Эта структура грамматически представлена отношениями *fā'il- maf'ūl bih-* (субъект-объект).

Нижестоящие примеры наглядно представляют эту структуру:

maḥmūd yamliku baytuun

«Махмуд владеет домами – двойной»

«Махмуд владеет двумя домами»

ḡārūnā yamliku maḥalan li-l-ciṭārah

«Сосед наш имеет лавку пряностей» (опр.) «Наш сосед владеет лавкой пряностей (каких-то)».

P'UM может стоять на первом месте, но как *maf'ūl bih* и дополнительно маркируется как глагол:

maḥal li-ciṭārah yamlikahu ḡārūnā

«Лавка (арт.)-пряности владеет-(суфф.) (P'UM) сосед наш»

«Лавка с пряностями – владение нашего соседа»

«Лавка с пряностями принадлежит нашему соседу».

Глагол *malaka* выражает не только отношения обладания, и при этом метафорически, но сочетаясь с абстрактными существительными, может выражать другие семантические отношения.

yamluk al-'mra wan-nahy

«Он должен приказать»

mā-malakat yamīnuh, yaduh

«Его состояние, его имущество, его владение» [Schregle / Radwan / Rizk 1983].

Это означает, что глагол *malaka* может сочетаться со многими типами существительных, в сочетании с которыми он не всегда выражает посессивные отношения. В сравнении с сочетанием *'intama' ila* например, которое ограничено выражением отношений принадлежности.

В притяжательных конструкциях с *malaka* с P'OR-ом соотносится признак, а с P'UM-ом – имя вещественное. Используя эти характерные черты, можно заметить, что этим способом выражения реализуются отношения обладания, а не какое-то другое посессивное отношение.

Далее рассмотрим глагол *ḥaṣṣa*.

Как и глагол *malaka*, *ḥaṣṣa* состоит из трех радикальных согласных и имеет различные значения, которые выражают не только владение, но и изменение владения.

Глагол *ḥaṣṣa* переводится следующим образом: «кому-то принадлежать, быть чьей-либо собственностью» [Krahl / Gharieb 1984: 221].

(1) *as-sayārah taḥuṣṣuhu*

«Автомобиль принадлежит ему»

«(некий) собственный дом (её)» [Schregle / Radwan / Rizk 1983: 560]

ḥaṣṣa выражает изменение значения владения «выделять, отличать; дарить; посвящать» и т. д.

(3) *ḥaṣṣa nafṣah bi-ṣay'*

«Что-то взять себе или присвоить, отнять для себя»

(4) *al-ḥukūmah ḥaṣṣat al-machad bi-'icānātin da'īlah*

«Институт получил скромное государственное отчисление» [Schregle / Radwan / Rizk, 1983: 360].

Этот глагол может выражать и не посессивные отношения, например, в значении «касаться кого-либо, иметь отношение к кому-либо»; «относиться к кому-л.»; «предназначаться кому-либо».

С одной стороны, морфо-синтаксически он похож на глагол *malaka* в примерах (1) и (2), тем, что принимает только один объект в вин. падеже (аккузатив); с другой стороны он выступает как *fiel mutacaddī li-mafcūlyn*, т. е. принимает 2-а объекта, аккузатив и объект с предлогом, тем не менее P'OR его *mafcūl bih* а не P'UM.

От *ḥaṣṣa* с помощью аффиксации (приставки и суффиксы) могут быть образованы другие глаголы, из них *'ihtaṣṣa* имеет почти то же

посессивное значение, как и *ḥaṣṣa*, и выражает тот же самый синтаксический статус, т.е. «цель» как прямой объект и P'UM как объект с предлогом:

'iḥtaṣṣa l-'abu 'ibnihi bi-l-bayt

«Отец наградил своего сына домом».

Следующая структура

POESSOR-субъект + глагол + **POESSUM**-объект.

Реализацию этой структуры в арабском языке мы можем увидеть на примере с глаголом *'intama 'ila*. Глагол выражает посессивные отношения только в направлении расположения «В – это P'UM от А». P'UM выступает в качестве субъекта (*fācil*), в то время как P'OR выступает как часть предиката, а именно *mafcūl bih*.

Глагол *'intama 'ila* имеет основу *'iftacala*, которая при этом может рассматриваться как *mazīd*-форма. Она образуется в перфекте инфигированием: с помощью суффикса *-ta-* между первой и второй радикальными согласными и вспомогательной гласной *'i* в препозиции. В этом случае глагол приобретает значение «принадлежать, относиться к» [Krahl, Gharieb 1984:775]. Посессивное существительное в этом случае – *'intama* (принадлежность).

Райт (Wright, 1967) вводит *'intama 'ila* как одну из *mazīd*-форм от *nama* и приписывает ему следующие значения: «свое происхождение сводить к, происходить от, доводиться (быть в родстве с), иметь отношение к, принадлежать, относиться» и отсюда *tuntamin* (принадлежащий).

Словосочетание *fīl mutacaddī bi- ḡayrih* действует иначе, чем *ḥaṣṣa* и *malaka 'intama 'ila*. Оно принимает предложный объект. Это один из глаголов, которые не связаны с взаимозаменяемыми предлогами, так как предлоги сами управляются глаголом:

al-fācil yantamī 'ila ḡamācatin 'irhābiyah

«Преступник принадлежал к одной из террористических группировок».

В отличие от вышеназванных глаголов *'intama 'ila* выражает только отношения принадлежности. Иными словами, он ограничен именно отношениями этого типа. В другом значении этот глагол почти не используется.

Перейдем к структуре:

Possessor 1SOURCE (исток) – субъект + **Possessor 2GOAL** (цель) – объект + **Possessum-Objekt**

Possessor 2 (цель) – субъект+ **Possessor 1** (исток) – объект + **Possessum**-объект

Детально остановимся на том, что представляют собой глаголы с изменением значения обладания. Краткий обзор этих глаголов поможет прояснить наличие и действие таких глаголов в арабском языке.

Для модели GOUL – POSSESSUM (ЦЕЛЬ – ОБЛАДАЕМОЕ) используются так называемые глаголы без агенса, такие как, например, в немецком языке глаголы со значением получать «*bekommen, erhalten, kriegen*». В арабском языке подобных глаголов сравнительно мало: *mutacaddiyah bi-ğayrihā*; с предложными дополнениями выступают ***ħasula cala* и *tamakana min***.

Здесь, следует различать три группы глаголов:

– глаголы со значением: «давать, подавать, вручать, предоставлять, сдавать, отдавать, передавать, переводить; и надевать, перезажать, обтягивать, покрывать, натягивать, надевать»;

manaħa «обладать», *kasa* «одевать, облачать», *aĉa* «одевать, облачать» и т. д.:

kasa l-'abu 'bnahu ħullatun ġadīdah

«Отец одел ребенка в новую одежду» [Schregle / Radwan / Rizk, 1983: 73]

– глаголы со значением: «брать, взять; хватать; принимать; приобретать» и со значением: «лишать, отнимать, извлекать, вытягивать из, уклоняться от; избегать»; *aħaġa, 'ištara, salaba, 'istaħwaza cala* и т. д.;

salabahu 'aħuhu kula šay'

«отбирать-у него брат-его все»

«Его брат отобрал у него все»

– глаголы без агенса: *ħassula cala, ħāza* «получать, сохранить» и *ħāza cala* «выигрывать, получать, приобретать, извлекать; добиваться, достигать» и т. д. (ср. Schregle / Radwan / Rizk, 1983: 303):

ħāza 'aħmad ziwyl cala ġā'izat nobil fi l-kimyā'

«получать Ахмед Севаль предл. Нобель-премия по химии»

«Ахмед Севаль получил Нобелевскую премию по химии»

'aħdtu ra'ya 'abī

«Я спросил моего отца о его мнении»

aĉaytu 'amran bi-l-bid'

«Я отдал приказ начинать»

manactahu l-ħurūġa laylā

«Я запретил ему по ночам выходить (из дому)».

Здесь все глаголы переходные, использующие двойной аккумулятивный объект. Следует отметить, что отношения «давать – отбирать» в арабском языке выходят за рамки сферы притяжательности.

Заключение

Посессивные отношения, а именно: отношения принадлежности, притяжания, обладания, происхождения и т. д., могут быть выражены «идафной конструкцией» (*iḍāfah*), представляющей собой сочетание из двух или более имен (существительных и прилагательных), конструкциями с предлогом (*li-, min*); в функции предлогов для выражения посессивных отношений могут употребляться «несобственно предлоги». Притяжательные отношения в арабском языке могут выражаться частицами, выполняющими роль предлогов (*inda*), для выражения принадлежности также используются служебные слова (*mtā', dyāl*). Посессивность может выражаться местоимениями и притяжательными суффиксами.

Кроме уже известных средств выражения притяжательности, в арабском языке в качестве средств ее выражения могут применяться реляционные имена – имена-реляторы, такие как: *ḍū* или *ṣāhib*, использующиеся чаще всего в притяжательных конструкциях.

Существует несколько типов подобных конструкций, строящихся по модели «Possessor-имя существительное + релятор + Possessum-имя существительное». Форма конструкции «Possessum – Possessor» может охватывать всю сферу выражения родительного падежа, в то время как обратная форма «Possessor – Possessum» ограничена только определенными сочетаниями родительного падежа.

Отдельный элемент помещается между обладаемым и обладателем. Этот элемент может быть притяжательным маркером или классным показателем. Типичные примеры таких элементов включают: «*bita*» в египетском диалекте, «*diyāl*» в марокканском диалекте, «*hag*» в кувейтском и саудовском диалектах, «*mal*» в иракском диалекте, «*taba*» в ливанском и сирийском диалектах и т. д.

На формальном уровне характер притяжательных отношений в арабском языке варьируется от наименее явных до наиболее явных. Структура «номинальный + номинальный» представлена лексическим классом, в то время как выражение обладания возможно также посредством синтаксической предикации.

При выражении притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах важную роль играют предлоги. С помощью конструкции с предлогом *li-* и *min* могут быть выражены различные случаи посессивности:

отношения обладания (владения), отношения часть-целое, отношения совместной принадлежности, а также обладание правом на что-то, принадлежности кому-то или чему-то; необязательные родственные, дружеские, соседские и всевозможные социальные отношения, рассматривающиеся как посессивные, также могут выражаться с помощью предлога *li*.

Конструкции с этим предлогом могут заменяться другими средствами; прежде всего, если речь идет об отношениях неотчуждаемой собственности.

Конструкции с предлогом *min* выражают только определенные посессивные отношения. Использование *min* обязательно, если отношения между именами (существительными) являются партитивными. *Min* часто встречается в «парономастических» структурах.

В функции предлогов для выражения посессивных отношений могут употребляться «несобственно предлоги», которые как самостоятельные имена, вне предложных сочетаний, обычно не употребляются. После предлогов «несобственно предлоги» ставятся в родительном падеже.

Притяжательные отношения в арабском языке могут выражаться частицами, выполняющими роль предлогов (*inda*), для выражения принадлежности также используются служебные слова (*mtā'*, *dyāl*).

Предлоги используются и в диалектах арабского языка. В одних диалектах (мавританский) сохранились старые предлоги из литературного арабского языка. В других это значение принадлежности практически утратилось. Например, в Марокканском диалекте в этой функции выступают специальные служебные слова *d*, *dyāl*, *mtāe*, которые можно сравнить с французским предлогом *de*, и английским предлогом *of* или притяжательным падежом; в русском языке им обычно соответствует родительный падеж.

Аналитический («предложный») способ становится основным способом связи несогласованного определения с определяемым словом в этом диалекте. В этой же функции в бедуинских говорах употребляются служебные слова *ntāe* или *mtāe*. В берберском языке, например в кабилском говоре, для этой цели используется *dar* «у», со значением «у меня» = «я имею».

Таким образом, в выражении притяжательности в арабском языке и его диалектах предлоги принимают активное участие.

Функции предлогов в арабском языке перенимаются частицами, которые управляют именами в родительном падеже. С помощью частиц и служебных слов, выполняющих роль предлогов, между компонентами словосочетаний может осуществляться притяжательная связь, связь по принадлежности, связь части по отношению к целому и т. п.

Синтаксически и семантически предлоги могут быть заменены родительным падежом или конструкцией с *идафой*, но в некоторых случаях предложная группа предпочтительнее.

Предложные группы могут отделяться от имен, к которым они относятся, прилагательными с предлогами, атрибутивным генитивом или определениями.

Средством выражения категории притяжательности могут быть и местоимения. Местоименное выражение обладателя (посессора) считается наиболее слабым примером экспликации. Прономинализация обладателя (посессора) в арабском языке – это наиболее имплицитный способ выражения посессивности.

В арабском языке посессивность может выражаться и притяжательными суффиксами. Суффиксы родительного падежа как средство выражения грамматических отношений присоединяются не только к существительным, но и глаголам, предлогам и частицам. Они могут выражать не только посессора, но и объекты (дополнение) и предложные определения. Если суффикс присоединился к имени существительному, то посессивные отношения выражает существительное.

Притяжательные суффиксы (и прономинальные суффиксы в целом) в семитских языках используются для синтетического выражения обладания, как чистые согласовательные морфемы.

Притяжательный суффикс может использоваться со всеми типами притяжательных имен, присоединяться к различным типам посессумов, включая отчуждаемое и неотчуждаемое обладание, абстрактные понятия, социальные отношения и т. д.

В арабском языке не употребляются совместно притяжательные именные словосочетания с притяжательным суффиксом и определенным артиклем.

Семитские клитики обладают следующими основными характеристиками: (1) они могут присоединяться ко всем лексическим категориям, а также к некоторым функциональным категориям;

- (2) они всегда являются энклитиками, прикрепляющимися справа к своему реципиенту; (3) они не имеют различий по падежам; (4) клитики, никогда не объединяются в кластеры.

Кроме уже известных средств выражения притяжательности, в арабском языке в качестве средств ее выражения могут применяться реляционные имена – имена-реляторы, такие как: *dū* или *ṣāhib*, использующиеся чаще всего в притяжательных конструкциях.

Существует несколько типов подобных конструкций, строящихся по модели «Possessor-имя существительное + релятор + Possesum-имя существительное».

В идафных конструкциях могут использоваться «посессивные наречия», такие как *cinda* и *maca*, а также *lada*.

В качестве выражения средства притяжательности *cinda* в основном выражает отношение вещей – «есть / имеется где-либо». Следует сказать, что наречие *cinda* может быть использовано для выражения многих других притяжательных отношений. В целом для наречия *cinda* характерно очень частое использование в разговорном языке, в то время как *lada*, почти всегда встречается только в письменной речи. Следует также отметить, что *cinda* редко используется в высоком стиле.

Значения и применение наречий *cinda* и *lada* очень похожи, хотя диапазон значения и сфера использования у *cinda* шире. В большинстве случаев эти два наречия могут взаимозаменяться, но не во всех случаях. *Lada* относится к высокому стилю и используется в современном арабском письме очень часто: в литературе, в газетах и в официальных документах.

С помощью наречия *maca* выражается скорее значение сопровождения и совместности, а не притяжательность. Чаще всего оно выражает отношение «это иметь при себе».

Предлог *li*, а также наречия *cinda* и *maca*, очень часто используются в качестве средств выражения притяжательности. Конструкции с ними пронизывают всю сферу выражения категории притяжательности в арабском языке. Все три наречия *cinda*, *lada* и *maca* объединяет между собой то, что они сообщают о наличии P'UM-а у P'OR-а или обладании P'OR-ом P'UM-а, не делая отношения владения условием.

С помощью *cinda*, *lada* и *maca* автоматически вместе с притяжательными отношениями выражаются и локативные, т. е. одновременно указывается место, где находится Р'УМ. Можно даже сказать, что здесь имеет место локализация (определяется положение) Р'УМ-а. Различие в использовании данных локализации, выражается не лексически, а объясняется с помощью контекста. И только предлог *li* точно указывает, что нечто кому-либо предназначается, в то время как наречия – *cinda*, *lada* и *maca* выражают как притяжательные, так и локативные отношения.

Различия в значении между предлогом *li* и наречиями заключается в том, что предлог *li* выражает все притяжательные отношения, в том числе и неотторжимые (неотчуждаемые), наречия же могут выражать только отторжимые (отчуждаемые) отношения.

В моделях, выражающих притяжательность, вместе с наречиями используются глаголы. Здесь выражение посессивности осуществляется именно глаголами, обладающими лексическим притяжательным значением и однозначно выражающими посессивные отношения.

В арабском языке, как и в европейских, есть группа глаголов, связанных с категорией посессивности: глаголы, показывающие изменение посессивных отношений. Большинство глаголов со значением обладания, а также выражающие изменение значения обладания, являются переходными, двухвалентными и даже трехвалентными. Эти глаголы управляют одним членом предложения, стоящим в винительном падеже.

Здесь следует различать три группы глаголов, все они переходные и используют двойной аккузативный объект. Необходимо отметить, что отношения «давать – отбирать» в арабском языке выходят за рамки сферы притяжательности.

Таким образом, исходя из вышесказанного, наиболее распространенным средством выражения категории притяжательности в арабском языке являются различные модели притяжательных конструкций (с *идафой*), в состав которых могут входить имена (существительные, прилагательные), местоимения, наречия, глаголы и предлоги.

Библиографический список

1. *Акопян А.Е.* Классический сирийский язык. – М.: АСТ-ПРЕССТ СКД, 2010. – 432 с.
2. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: «Восточная литература», РАН, 2001. – 592 с.
3. *Завадовский Ю.Н.* Арабские диалекты Магриба. – М.: Восточная литература, 1962. – 131 с.
4. *Завадовский Ю.Н.* Тунисский диалект арабского языка. – М.: Наука, 1979. – 104 с.
5. *Завадовский Ю.Н.* Мавританский диалект арабского языка. – М.: Наука, 1981. – 78 с.
6. *Журинская М.А.* Именные посессивные конструкции в меланезийских языках // О языках, фольклоре и литературе Океании. – М.: Наука, 1978. – С. 16–38.
7. *Ландер Ю.А.* К типологии реляционных имен. – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1702134/Academien_premium_feature
8. *Ковалев А.А.* Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г.Ш. Шарбатов. – М.: Восточная литература, 1960. – 751 с.
9. *Краснощёков Е.В.* Выражение притяжательных отношений в арабском языке и его диалектах с помощью предлогов // Воронежский государственный технический университет. – 2020. – №3 (47). – С. 17–27.
10. *Краснощёков Е.В.* Использование имени-релятора при выражении притяжательности в арабском языке // Современный ученый. – 2021. – №3. – С. 235–242.
11. *Кямилев С.Х.* Марокканский диалект. – М.: Наука, 1968. – 131 с.
12. *Шмелев А.Д.* Типы невыраженных валентностей? // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 167–176.
13. *Церетели К.Г.* Сирийский язык. – М.: Наука, 1979. – 159 с.
14. *Ahmed A.* 2015. On agreement affixes, incorporated pronouns and clitics in Standard Arabic // *SKY Journal of Linguistics* 28. 2015. 67–102.
15. *Aikhenvald A. and R. Dixon.* Possession and Ownership: A Cross-Linguistic Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2013.

16. *Albayati A. F. L.* A Cognitive Semantic Study of Some Neo Classical and Romantic Poems (Unpublished PhD Disertation. University of Koya, Iraq). – 2012.

17. *Alexiadou A., L. Haegeman and M. Stavrou.* Noun Phrase in the Generative Perspective. – Berlin: Walter de Gruyter, 2007.

18. *Beeston A.F.L.* The Arabic Language Today. – London: Hutchinson University Library, 1970.

19. *Basset A.* La langue berbère // Handbook of African Languages 1, ser. ed. Daryll Forde. – Oxford University Press, 1952. – 86 p.

20. *Benmamoun E.* The Feature Structure of Functional Categories: A Comparative Study of Arabic Dialects. – New York: Oxford University Press, 2000.

21. *Blohm - W. Reuschel- A. Sammarraie:* Lehrbuch des modernen Arabisch. Teil 11/1-2. – Leipzig, 1981. – 620 S.

22. *Brockelmann Carl,* Grundriß der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen / Carl Brockelmann. Bd. II. Hildesheim. – Zürich; New York, 1982. – 708 S.

23. *Brockelmann Carl:* Arabische Grammatik. Paradigmen, Übungsstücke. Glossar. / Carl Brockelmann. – Leipzig, 1985. – 196 S.

24. *Cantarino V.* Syntax of Modern Arabic Prose (Vol. 3). – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1974/75.

25. *Cardinaletti A.* On the definite/strong opposition in possessive systems. In A. Alexiadou and C. Wilder (eds.) Possessors, Predicates and Movement in the Determiner Phrase. – Amsterdam: John Benjamins, 1998. – 17–53.

26. *Caspari C.P.* Grammatik der arabischen Sprache für akademische Vorlesungen. – Leipzig, 1866.

27. *Choueiri L. Determiners.* In K. Versteegh, E. Mushira, A. Elgibali and M. Woidich (eds.) Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (Vol. 1). – Leiden: Brill., 2006. – 579–583.

28. *Clark E.* Locational: Existential, locative and possessive constructions. In J. Greenberg (ed.) *Universals of Human Language.* – Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1978. – 85–126.

29. *Correll Ch.* Einige Überlegungen zur Erklärung der fakultativen Verwendung formal akkusativischer pronominaler Objekte in dativischer Funktion im Äthiopischen (Ge'ez). In: ZDMG, 1980: 130, 24–34.

30. *Corriente F.* (1977). A Grammatical Sketch of the Spanish Arabic Dialect Bundle. – Madrid: Instituto Hispano-Arabe de Cultura.

31. *Dixon R.* Basic Linguistic Theory: Grammatical Topics. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
32. *Dryer, Matthew.* Position of pronominal possessive affixes. In: M. Haspelmath, S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 234–237.
33. *Fassi Fehri A.* Key Features and Parameters in Arabic Grammar. – Amsterdam: John Benjamins, 2012.
34. *Fischer, Wolfdietch* Grammatik des klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972. – 338 p.
35. *Ferguson C.A.* et al. Damascus Arabic. Washington D. C., WA: Center for Applied Linguistics, 1961.
36. *Frei H.* Sylvie est Jolie des Yeux. In A. Sechehaye et al. (Eds.), *Mélanges de Linguistique Offerts a Charles Bally* (pp. 185–194). – Genève: Georg, 1939.
37. *Guella N.A* Linguistic Investigation of the Arabic Dialect of Nédroma (Algeria). (Unpublished PhD Dissertation). The University of Manchester, Manchester. 1983.
38. *Guella N.* Possessive Constructions in Arabic: A Cross- Dialectal Comparative Study. 2012. Retrieved from <http://www.faculty.ksu.edu.sa/nguella/publications/possessive>
39. *Halle M. and A. Marantz.* Distributed morphology and the pieces of inflection. In K. Halle and S. Keyser (eds.) *The View from Building*. Cambridge: 1993. MIT Press. – 111–176.
40. *Haspelmath M.* Explaining article-possessor complementarity. *Language* 75. 1999. – 227–243.
41. *Harrell R.S.* A Short Reference Grammar of Moroccan Arabic. Washington D. C., WA: Georgetown University Press, 1962.
42. *Heine B.* Possession: Sources, forces and grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
43. *Heine B.* The Nubi Language of Kibera — an Arabic Creole. – Berlin, 1982.
44. *Holes C.* The Colloquial Arabic of the Gulf and Saudi Arabia. – London: Routledge & Kegan Paul, 1984.
45. *Jamary A.* Clitic phenomena in Arabic. Unpublished PhD dissertation, University of London. – 1993.
46. *Johnstone T.M.* Eastern Arabian Dialect Studies. – Oxford: Oxford University Press, 1967.

47. *Kampffmeyer G.* Südalgerische Studien // MSOS 2. Abt. 8 (1905). – S. 225–244.

48. *Karimi Y.* Kurdish Ezafe construction: Implications for DP structure. *Lingua*. 117/ 2007. – P. 2159–2177.

49. *Krahl, G.* – W. Reuschel: Lehrbuch des modernen Arabisch. I Leipzig, 1974.

50. *Lyons J.* A note on possessive, existential and locative sentences. *Foundations of Language* 3. 1967. – P. 390–396.

51. *Longobardi G.* The structure of DPs: Some principles, parameters and problems. In M. Baltin and C. Collins (eds.) *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 562–603.

52. *Marantz A.* Clitics, morphological merger, and the mapping to phonological structure. In M. Hammond and M. Noonan (eds.) *Theoretical Morphology*. – New York: Academic Press, 1988. – P. 253–270.

53. *Mitchell T.F.* Colloquial Arabic: The Living Lang Egypt. – London: The English Universities Press Ltd., 1962.

54. *Monteil V.* L'Arabe Moderne. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1960.

55. *Nichols J., and Bickel* Possessive classification. In: M. Haspelmath, S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Oxford University Press. – 2005. – P. 242–245.

56. *Pèrès H.* L'arabe dialectal en Espagne musulmane aux Xe et Xie siècles de notre ère // *Melanges offerts à William Marçais*. – Paris, 1950. – P. 289–300.

57. *Piamenta M.* Studies in the Syntax of Palestinian Arabic. – Jerusalem: The Israel Oriental Society, 1966.

58. *Plunkett B.* Binding in Arabic and the lexical clause. In M. Eid (ed.) *Perspectives on Arabic linguistics VIII: Papers from the Eighth Annual Symposium on Arabic Linguistics*. – Amsterdam: John Benjamins, 1996. – P. 86–97.

59. *Quirk R., & Greenbaum S.* A University Grammar of English. – London: Longman Group, 1973.

60. *Prokosch E.* Arabische Kontaktsprachen (Pidgin- und Kreolsprachen) in Afrika. (Grazer Linguistische Monographien, 2.) Graz: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Graz. 1986. – 112 p.

61. *Reckendorf H.* Arabische Syntax. Heidelberg, zweiter unveränderte Aufl. 1977.

62. *Rosenbach A.* Genitive Variation in English: Conceptual Factors in Synchronic and Diachronic Studies. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002.

63. *Seiler H.* Possession as an Operational Dimension of Language. Tübingen. – 1983.

64. *Shboul A.M.H.* «Having» in Arabic // *Zeitschrift für arabische Linguistik*, Germany 11/1983. – P. 24–27.

65. *Shlonsky U.* 1994. Semitic clitics. *Geneva Generative Papers* 2. – P. 1–11.

66. *Shlonsky U.* 1997. Clause Structure and Word Order in Hebrew and Arabic: An Essay in Comparative Semitic Syntax. – Oxford: Oxford University Press.

67. *Stassen L.* Predicative Possession. – Oxford: Oxford University Press, 2009.

68. *Stolz T., S. Kettler, C. Stroh, and A. Urdze.* Split Possession: An Areal-Linguistic Study of the Alienability Correlation and Related Phenomena in the Languages of Europe. – Amsterdam: John Benjamins, 2008.

69. *Waldman, Albert,* Genitivverbindung oder Präpositionalgruppe. – Eine strukturellsemantische Untersuchung an der arabischen Nominalgruppe // Blohm, Dieter (Hrsg.): *Studien zur arabischen Linguistik. Linguistische Studien: Reihe A, Arbeitsberichte*; 1989. Berlin. – 151 S.

70. *Wright W.* A Grammar of the Arabic Language (Vol. 2) (3rd ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Приложение

Арабский язык и его диалекты

алжирский
андалусский
арабский язык
бахрейнский
бедуинских говор
берберский
диалект Недрома
диалект Тлемсена
диалект Хиджази
египетский
йеменский
иорданский
иракский
кабийский
кувейтский
ливанский
мавританский
магрибский
мальтийский
марокканский
надждийский
палестинский
саудовский
сирийский
тунисский
феззанский

Для заметок

Научное издание

Краснощеков Евгений Владиславович

**ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ**

Монография

Чебоксары, 2021 г.

Редактор *Е.В. Краснощеков*
Компьютерная верстка *Е.В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 08.12.2021 г.

Дата выхода издания в свет 17.12.2021 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 5,58. Заказ К-908. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru